

ЭДУАРД ОВЕЧКИН

АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ

«От трагического до смешного, как известно, один шаг.
А на флоте – и того меньше. Читать легендарную
книгу срочно, отложив все дела!»

Вадим Чекунов,
автор романа «Кирза»



18+

Легенда русского Интернета

Эдуард Овечкин

Акулы из стали (сборник)

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Овечкин Э. А.

Акулы из стали (сборник) / Э. А. Овечкин — «АСТ»,
2016 — (Легенда русского Интернета)

ISBN 978-5-17-099675-9

Проза Овечкина хороша и тем, что в ней есть, и тем, чего в ней нет. Она прямой потомок прозы Конецкого и Покровского, у неё прочные здоровые корни. Она читается в радость и печалит без уныния, как тексты Венички Ерофеева. Её строчками движет лучшее, что мы дали миру вообще и литературе в частности, – русский реализм. У которого, как мы знаем, нет запретных тем и красок, зауми и показного блеска, а есть события, люди и рассказчик.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099675-9

© Овечкин Э. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Путь (от автора)	6
Ошибка эволюции	9
Мимозы и нутрия	14
Снег и бабы	16
Честь	19
Романтика	27
По системе Станиславского	31
Медленный газ	34
Морковь	37
Тополя	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдуард Анатольевич Овечкин

Акулы из стали

© Э. Овечкин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Путь (от автора)

При выборе определённого жизненного пути вы должны помнить одну штуку: путь тоже выбирает вас. Или не выбирает. В зависимости от этой взаимности вы потом и будете по нему идти. Если путь вас не выбрал, будет это тяжело и мучительно. Наверняка и с сожалениями о том, что вы по нему пошли. А если путь выбрал вас, тоже всё будет трудно, но вспоминать потом о нём вы будете с теплом где-то в глубине своей души. Если, конечно, не бросите его. Бросить захочется наверняка. Даже путь праздности, роскоши и богатства некоторым надоедает, так что уж о наших путях говорить, правда? И путь будет вам мстить, если вы его не пройдёте до конца, знайте об этом. Если причина покажется ему весомой, то он просто заложит в вашу душу уголёк сожаления, который будет тлеть всегда, то затухая, то разгораясь, но никогда не погаснет совсем.

Поэтому я вам хочу сказать перед началом своего рассказа: если выбрали путь, то пройдите его обязательно до конца или хотя бы до ближайшей логичной развилки.

Старпом наш, помню, говорил минёру, когда учил его управлять кораблём в надводном положении:

– И запомни – никогда не елозь! Главное правило человека, который управляет кораблём, – не менять своего решения во время выполнения манёвра. Правильное решение, неправильное – неважно. Принял, отринул сомнения и действуй! Хули ты там орёшь на мостике: «Правый галс, левый галс, руль туда, руль сюда, турбинам крутиться, турбинам не крутиться, торпеды пли, ой, бя, не пли, не пли!» Что это за маневрирования такие, а?

Очень подходящий девиз для жизни, я считаю.

А рассказать я вам хочу про Александра Сергеевича.

Вернее, рассказать-то я про него хочу давно уже, но всё никак не решусь, всё жду, когда достигну такого уровня писательского мастерства, что вы читать будете и плакать. Но вдруг не достигну? Поэтому пусть будет как получится, а потом перепишу.

Родился Александр Сергеевич 24 октября 1955 года в городе Подольск. В 1979 году окончил ВВМУПП¹ им. Ленинского комсомола и с 1984 года начал свой славный путь в 18-й дивизии АПЛ СФ² в должности командира БЧ-2 (ракетной). К 1994 году, когда я попал в 18-ю дивизию, он был командиром отстойного крейсера ТК-202, где мы с ним и познакомились, пока торчали с другим лейтенантом-электриком Максимом в ожидании возвращения нашего родного экипажа ТК-20 из отпуска. А потом уже и Александра Сергеевича назначили к нам командиром.

И ровно с того самого дня и до сих пор, когда я слышу слова «долг», «честь» и «верность», я вспоминаю Александра Сергеевича. Но не потому, что он часто произносил эти слова, наполняя их пафосом и ненужной бравадой, а потому что он всегда был верен своему Долгу и с Честью шёл по выбранному им Пути. Вы даже не представляете, как мы его любили, как мы ему верили и как мы были ему преданы. Вот если бы, например, сказал нам президент страны: «Ребята, надо сделать мёртвую петлю на лодке, вот позарез прямо», то мы, скорее всего, подумали бы, что он сошёл с ума, и решали бы, как отвертеться от этого безнадёжного занятия. А если бы нам сказал то же самое Александр Сергеевич, то мы бы начали готовиться к успешному выполнению этой задачи под его командованием, не подвергая его слова сомнениям.

Тогда время-то было поганое самое. Никаких ориентиров, никаких моральных принципов, никакой Родины – «воруй, бей, еби гусей» сплошное. Вот Александр Сергеевич и

¹ ВВМУПП – Высшее военно-морское училище подводного плавания.

² АПЛ СФ – атомные подводные лодки Северного флота.

олицетворял для нас Родину в тот момент – не больше, но и не меньше! Он был таким, знаете, как скала: большим, спокойным, сдержанным, всегда охотно смеялся и редко повышал голос вообще. Крайне интеллигентный, умный, спокойный (да, я знаю, что повторяюсь), выдержанный до предела. Умел найти нужные слова в нужный момент, как никто другой. Не позволял себе никакого панибратства, всегда чётко держал дистанцию, хотя мог и выпить с офицерами в гараже на посиделках и был любим и уважаем своими подчинёнными.

Мы с ним вдвоём выходили в море первый раз на ТК-20. Он – недавно назначенным командиром, а я – только что сдавшим зачёты лейтенантом. Со мной должен был идти старший товарищ, но по каким-то причинам сделать этого он не смог, и пошёл я сам.

– Ссышь, лейтенант? – спросил меня командир во время приготовления корабля к бою и походу.

– Никак нет, тащ командир! – дрожащим голосом ответил я.

– Ссышь, но бодрисься и не показываешь виду? Молодец!

А потом мы пошли в автономку в августе. Нас прям умоляли все сходить в эту автономку, так надо было показать всему миру, что России не пиздец, хотя ей был тогда полный пиздец, что вот «ребята-на-вас-смотрит-вся-страна» и всё прочее. Да по хуй было этой стране на нас, мы-то понимали, но Александр Сергеевич сказал:

– Я намерен выполнить поставленную задачу, чего бы мне это ни стоило. Кто не хочет, пишите рапорта – подпишу всем не глядя, уговаривать никого не собираюсь.

У него манера такая была, он когда думал или говорил что-то действительно серьёзное, всегда немного склонял голову влево и вниз, к плечу. Вот мы по наклону головы его настроение и определяли. Если склонил – то всё, считай, опять подвиг надо совершать.

В той автономке мы впервые в истории человечества запустили баллистическую ракету из района Северного полюса. По возвращении Александра Сергеевича представили к званию Героя Российской Федерации, но звезду получил не он, а один адмирал из штаба флотилии, который выходил с нами на месяц старшим на борту. И так его не любили за то, что был мудака и быдло, а после этого вообще и не здоровались с ним, ни поодиночке, ни строем. Это, кстати, был второй человек за всю историю крейсера ТК-20, который уселся в командирское кресло. Традиция была такая на «Акулах» незыблемая – в кресле командира сидел только командир. Ни командир дивизии, ни командующий флотилией или флотом никогда в него не садились – традиции на флоте чтут и уважают. Только министр обороны Грачёв в него сел, но что с него взять – он же десантник и даже не знает, как правильно погладить гюйс! И вот этот мудака тоже всегда плюхался в кресло командира своей толстой жопой. Я, когда первый раз увидел, аж рот открыл и смотрю на старпома, а тот так рукой махнул обречённо и скривился. Мол, что с мудака взять – мудака, он и есть мудака.

Александр Сергеевич не показал вида, что расстроился или обиделся за это на Родину. Родину он любил, научил и меня понимать, что Родина – это Родина, а не та кучка бюрократов, которая ей управляет в данный исторический момент. Жил он очень аскетично. Если вы смотрели фильм «Русская Акула», то вы видели его квартиру такой, какой она была всегда. Он жил кораблём и своим экипажем. Мне даже трудно понять тот груз ответственности, который лежал тогда на его плечах, и тот багаж знаний, который был в его голове. У нас в экипаже была самая низкая текучка, хотя тогда с флота бежали все, а к нам, наоборот, просились в экипаж. И это только его заслуга, я считаю. А какие задачи мы выполняли! Да любые практически! Вот какие ни ставили перед нами, такие мы и выполняли.

Например, в 1997 году мы дважды стреляли полным боекомплектom ракет с целью их утилизации методом подрыва в воздухе. Я не знаю, понимаете ли вы, насколько это сложная и опасная задача – стрелять из подводного положения баллистическими ракетами, у которых не то что срок эксплуатации – а срок хранения на складах истёк! В интернете эти ролики тоже можно найти – тогда с нами ходили суда сопровождения с американскими наблюдате-

лями на борту. Наш флагманский ракетчик, который был с американцами, рассказывал, что сначала американцы спорили чуть ли не на полуостров Аляска, что ничего у нас не выйдет и мы только зря погубим людей и корабль. А потом плакали, когда ракеты, одна за одной, выходили из-под воды.

– Отчего плакали-то? – спрашивал командир. – Аляску жалели?

– Нет, Саша! Они плакали и хлопали в ладоши, а потом трясли нам руки и говорили, что это же, блядь, какая гордость – быть свидетелями такого подвига, доблести, отваги, выучки и умения русских моряков! Вы же герои, Саша, понимаешь? Ты же герой, Саша! Я, блядь, уверен!

Александра Сергеевича, который осуществил два таких пуска, представили второй раз к званию Героя РФ. И все были уверены, что уж сейчас-то точно дадут, ну, потому что! Но не дали. Дали орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени и наградили именным пистолетом. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но даже у Пугачёвой с Леонтьевым ордена высшей степени, чем у Александра Сергеевича.

Но и это его не сломало! Он же не за награды служил, а потому что это был его Путь, который он сам выбрал, и шёл по нему так, как это и полагалось офицеру флота: без громких слов о любви к Родине, без пафоса и целований жоп, без лизоблюдства и приспособленчества, как мужик, понимаете? Не тот мужик, который популярен в теперешнем народе, а настоящий.

В 2013-м у него обнаружили злокачественную опухоль, её удалили, и он проходил курсы химиотерапии. Но потом в бедренной вене у него обнаружили тромб, удалили его. Лечение требовало корректировки и консультаций с зарубежными врачами. Собирали деньги в интернете всем миром, кто сколько мог, на лечение его в Израиле, но 15 февраля 2015 года Александр Сергеевич ушёл из жизни, не дожив даже до 60 лет.

Знаете, в этом есть что-то постыдное – собирать деньги на лечение командира самого ходового корабля 941-го проекта, который первым в мире стрелял ракетой с восьмидесят восьмой широты... Которому, на секундошку задумайтесь, принадлежит мировой рекорд по количеству осуществлённых пусков баллистических ракет... И который является, пожалуй, самым результативным командиром атомной подводной лодки послевоенного периода СССР и Российской Федерации. Постыдное, конечно, не для людей, собирающих деньги, а для кучки чиновников, которая называет себя «государством» и «вбивает скрепы», «возрождает духовность», кричит о величии и мощи этой страны. Нет ни капли величия в этой кучке. Но есть Величие в людях, которые собирают последние крохи, чтоб помочь другому человеку.

Но знаете, я уверен – Александр Сергеевич никогда не жалел о том, что прошёл свой путь до конца. Да, он не заработал ни денег, ни славы, ни сытой жизни, ни здоровья. Но путь, который он показал тогда нам, путь Офицера и Человека, верного своему Долгу, спас многих из нас от опрометчивых решений и показал нам пример, на который можно равняться до конца своей жизни.

Все слова какими-то маленькими и корявыми кажутся, когда берёшься описывать Александра Сергеевича Богачёва. Вечная ему память и земля пухом!

Ошибка эволюции

Когда люди эволюционировали, то где-то на повороте этот в целом отлаженный процесс дал небольшой сбой, на который мало кто обращает сейчас внимание. А зря, потому как сколько неприятностей, начиная от Троянской войны и далее, можно было бы избежать – это же пальцев на всех руках не хватит сосчитать!

Вот для чего, скажите мне, все люди хотят быть красивыми? С какой такой благой целью? Вот на насекомых давайте посмотрим или на птиц с утками: там всё чётко – красивые только самцы, а самки все одинаковые, как ты их ни крути! Ну и какое это преимущество даёт, спросите вы, самцам насекомых перед людьми? Сейчас попробую объяснить.

Чтобы быть красивыми и иметь от этого какое-то преимущество, человечество придумало для себя ряд способов, которые работают железно для женщин: это чулки в сеточку, красная губная помада и вондер бра. Комбинируя эти нехитрые приспособления, любая практически самка человека повышает свои шансы на спаривание или брак раза в три-четыре. Тут следует признать, что коварные женщины мужчин обошли. Во-первых, заставив всё это им производить и мало того – покупать за собственные деньги и дарить. А во-вторых, для мужчин таких однозначно эффективных средств просто нет. Может, они и есть, конечно, но наверняка какая-то специальная команда женщин-ниндзя отслеживает их изобретение и давит на корню, вместе с изобретателями.

Поэтому у мужчины, как ни крути, остаётся два крайне туманных и запутанных способа себя украсить.

Первый: научиться правильно расставлять знаки препинания в предложениях из трёх и более слов и без ошибок писать выражения типа «Ящетаю» – «Я считаю»; «Ух ты, какие сиськи!» – «У вас богатый внутренний мир!» и «Вот это жопа!» – «Февраль! Набрать чернил и плакать!». Но! Здесь нужно быть осторожным, потому как общение может затянуться и этих трёх фраз не хватит. Хорошо ещё, что специальный отряд женщин-ниндзя не обнаружил вовремя Чехова, Пастернака и Шишкина, и поэтому первому способу можно обучиться довольно легко, причём процесс обучения будет чрезвычайно приятен. Некоторые так им увлекаются, что даже и про цель забывают.

Второй: стать привлекательным внешне. Этот способ намного сложнее, так как тут специальные женские силы следят за ним в оба глаза, прочно закрепив в индустрии моды лобби из себя и гомосексуалистов. Они специально – чуть ли не каждый год – меняют понятия о мужской красоте на диаметрально противоположные, чтоб лишить бедных мужчин малейшей возможности доминировать.

Вот какое качество у мужчины должно быть явно выступающим, чтоб подчеркнуть его мужественность и наличие тестостерона в крови? Правильно – мужественность, но никак не красота же, согласитесь? Ну что красивого, а тем более мужественного, в бороде как у лесоруба, если ты не лесоруб и вместо того, чтоб рубить лес, ухаживаешь за собой, как будто основная твоя задача – понравиться другим лесорубам? А в этих «тоннелях» в ушах или подвёрнутых штанишках на тонких ножках? А пиджачки вот эти вот, на два размера меньше необходимого для того, чтоб комфортно себя в нём чувствовать? И плюс борода с подобранными височками. Это что – мужественно?

Как говорила моя тётя (мать двоих детей и бабушка троих внуков): «Мужик должен быть чуть красивее обезьяны. Хвост из жопы не торчит – всё, считай, Ален Делон!» Ну, в чём-то она была права. Правда, я для общей красоты добавил бы ещё сломанный нос и над маленькими глазёнками, желательно разного цвета и размера, – кустистые брови. Одно ухо можно чтоб было откушено хотя бы наполовину, второе – сломано. И шрам, само собой. Огромный шрам наискосок через всё лицо, чтоб вот прямо цепенела его женщина от

ужаса, если он, не дай бог, захочет заняться с ней сексом в миссионерской позиции. Вот это я понимаю – мужественный мужчина. Но кто меня спрашивает, правда? И вот что делать бедным мужчинам? Лично мой совет: Чехов, Пастернак, Шишкин плюс чистые носки с не очень большими дырками.

Но погодите плакать от жалости к бедным мужчинам, поберегите слёзы до конца рассказа. Ведь сейчас я вам расскажу про класс мужчин, ещё более ущемлённых в своих возможностях, чем обычные мужчины. Хотя сейчас, возможно, вам уже кажется, что ну куда уж больше! А вот представьте: большое количество лиц мужского пола на пике репродуктивных функций их организмов собирают в одном месте, одинаково стригут и одевают в абсолютно одинаковую одежду, при этом ограничивая их выход из этого места до нескольких раз в год. А тестостерон у них уже в виде прыщей на лице торчит и течёт из носов с соплями. Вот что им делать, этим бедным курсантикам (а я веду речь про них), чтоб повысить свою внешнюю привлекательность и, соответственно, шансы на тренировки по продолжению рода? Вы, конечно, можете мне возразить, что чего я тут жалуясь, если сам рассказывал, что моряки – все сплошь красавцы? Ан нет! Всё вполне логично. Допустим, что вы юная девушка приятной внешности и гуляете в сарафане по площади Нахимова в Севастополе. Томик стихов Бродского у вас наверняка с собой. Младший брат, может быть, на поводке выгуливается, и синими глазами вы всматриваетесь в синюю вымытую солнцем даль Константиновского равелина в надежде, что вот-вот появятся из-за кривого горизонта алые паруса. А вместо этого неожиданно к Графской пристани причаливает катер из Голландии, и оттуда, мать моя женщина, высыпают на площадь, как горох, сто капитанов Греев. Ну, может, и не Греев, но тем не менее. Вот что бы вы на месте этой крайне юной особы сделали в данной ситуации? Грохнулись бы в обморок от невозможности разворачивающихся перспектив!

Поэтому, чтоб помочь юным особам и уберечь их хрупкую психику, любой курсант стремится стать красивее своих однояйцевых ксерокопий всеми доступными ему способами. Способов этих мало, и все они вызывают некоторые вопросы с точки зрения взрослого дяденьки гражданского исполнения. Первый – военная форма. В начальные годы своего окукливания военно-морской курсант редко ходит в гражданской форме одежды, а военная, естественно, у всех одинаковая. Но если вы думаете, что фантазия молодых людей так же бедна, как колхоз после продразвёрстки, и они не знают, как её украсить, не сильно отходя от устава, то глубоко заблуждаетесь.

На форму можно вешать всякие значки – например, о спортивных достижениях. Или донорский, на крайний случай. Потому что красная капелька крови на могучей груди синего цвета выглядит хорошо, если вы, конечно, пока дурачились с друзьями в катере, не повесили её на то место, где у обычных брюк ширинка, а потом забыли снять и едете такой в троллейбусе в Камышовую бухту. Тогда на чёрном фоне она выглядит ещё пикантнее, да и внимания привлекает намного больше – можете не проверять, точно вам говорю. Но это внимание несколько другого сорта, хотя при должной сноровке и его можно развернуть в нужное русло.

Бляха. В смысле, на ремне которая. Для повышения красоты её нужно начистить до зеркального блеска зубной пастой и разогнуть до плоского состояния. Чем сильнее разогнул, тем красивше.

Бескозырка. Головной убор прекрасен, как утро в горах Арарата, но и его не обходит стороной тяга к украшательству. Для того, чтоб нравиться девушкам, курсанты вытаскивают одну пружину из чехла, укорачивают её и загибают углом на том месте, где будет центр лба, а потом вставляют в околыш и ждут аплодисментов, гордо называя это «утюгом». Но тут надо быть внимательным: пока едешь в катере, ваши, с одной стороны – друзья, а с другой – петросяны доморощенные, могут ножничками укоротить вам ленточки и сделать

на них вырезы, как у Дональда Дака. Или настригут их так, что якоря будут болтаться на тоненьких ниточках. Это смешно, и все вокруг будут радоваться, глядя на вас. Но с точки зрения привлечения противоположного пола работает это плохо.

Гюйс. Не менее прекрасная часть формы, чем бескозырка. В гюйсе для повышения его красоты главное, чтоб он был как можно сильнее застиран и превратился из синего в бело-голубой. Тогда ты красив, как морской чорт на отдыхе в Гаграх. Вот, в общем-то, и все более-менее законные способы украшения себя сверху, доступные молодым организмам, ужаленным Романтикой в крепкие ягодицы.

Остаётся позаботиться о том, что под формой. Всех курсантов круглый год и ежедневно гоняют на зарядку в трусах и ботинках. Кроме того, у них постоянно проходят занятия по физкультуре, по которым они каждый семестр сдают зачёты. Не сдал зачёт – не поехал в отпуск. То есть в основном курсанты, хотя бы они того или нет, выглядят стройно, подтянуто и быстро бегают, особенно от патрулей. Просто так не выделишься из их среды. Из средств обольщения остаётся загар и растительность на лице. Ну и загар преследовал в наше время чисто утилитарную цель – когда курсант раздевался где-нибудь летом, то сразу было видно по характерному загорелому треугольнику на груди, что он – курсант.

Какой-то придурок однажды сказал, что подсолнечное масло очень помогает для равномерности загара и необыкновенно золотистого его цвета. Ну и все, как обезьяны, естественно, начали проверять это на себе эмпирическим путём. Мы со Славиком тоже решили, что не лохопеты же мы без масла загорать – как белые вороны ведь будем, и пошли на камбуз с баночкой из-под майонеза.

– Да вы ебанулись, что ли, все в этом году? – заорала на нас повариха. – Вот раньше – то хлеба просили, то мяса, то макарон! А теперь все за маслом бегают, как полоумные!

– Да тётенька, да вам жалко, что ли? – заныли мы со Славиком.

– Ох... сиротинушки, – вздохнула тётенька размером с меня, Славика и ещё одного Славика. – Да чо ж жалко-то! Давайте – налью.

С заветной баночкой с маслом и с одеялами под мышками мы залезли на крышу нашего пятиэтажного факультета. Был уже поздний май, деревья с травой ещё не выгорели, но жарило от души. А на рубероидной чёрной крыше, намазанные подсолнечным маслом, мы чувствовали себя вообще как стейки на гриле.

– Ну чо, Славон, как ты? – мне было откровенно скучно, жарко и неудобно.

– Да шиплю, как котлета! Минут через пятнадцать можно будет мазать горчицей и есть!

Мы подошли к парапету, где хоть немного была иллюзия движения воздуха, и стали любоваться видом. Севастопольская бухта очень красива, особенно летом. Перед нами стоял практически весь Черноморский флот, включая боевой крейсер «Слава» и злополучный «Москва» (на нём всё время что-то горело, взрывалось и шастали привидения). Шла подготовка к параду, и во все стороны шныряли, пока довольно хаотично, катерки, лодки, военные корабли, а морские пехотинцы в белых чехлах от бескозырок плыли дружной стайкой, всем своим видом презирая всякую опасность вокруг.

– Красота! – вздохнул Слава.

– Просидел бы тут всю жизнь?

– Тёлку бы какую только.

– Молоко доить?

– Не. Человеческую. Надо же стихи кому-то читать вслух, правильно? Какой иначе смысл тут сидеть всю жизнь, если даже и стихов почитать некому?

– Ну, мне почитай.

– Не-е. Тебе неинтересно читать. Ты восхищаться не будешь и заламывать руки от восторга.

– Не буду, само собой, я ж лучше стихи читаю, чем ты!

– Зато я на гитаре три песни играть умею!

– Ну да – тут у меня шансов нет, согласен! Слушай, я сварюсь сейчас. Может, ну его в жопу, загар этот, раз мы с тобой полны талантами, как чаша Диониса?

– Бля, наконец-то ты это сказал! Бежим отсюда!

А потом же ещё надо было помыться. Естественно, горячей воды летом в училище не было отродясь. Зато как можно было наораться, пока отмывал с себя масло! Красота, да и только!

Растительность у нас осталась. Тут шибко не разгонишься, конечно. В уставе же написано, какая причёска должна быть у воина: короткая, аккуратная и с кантиком. Но всё равно умудрялись, да. В основном брали своё за счёт чёлок – они чаще всего под головными уборами, и можно было дать волю фантазии (не раньше третьего курса, естественно). Так и ходили – зад и бока чуть не бритые, а спереди какой-нибудь локон страсти сантиметров на двадцать-тридцать и лезвие в ремне, когда идёшь на развод в комендатуру. Ну, про усы я промолчу, так как если бы у меня были такие полномочия, то я этот ген у мужчин удалял бы насильственно.

Борода. Прямо она не запрещена в военно-морском флоте, но, по соображениям здравого смысла, на подводных лодках носить её крайне не рекомендуется – из-за неё маска изолирующего противогаза плотно не прилегает к лицу, и внутрь попадают продукты горения, включая угарный газ: два полных вдоха – и смерть. Курсантам она тоже прямо не запрещена фразой «Ношение бороды запрещено». Но это, скорее всего, просто потому что – ну кто может подумать, что юноша в здравом уме станет отращивать себе бороду? Но были и такие, да, именно потому, что тяга к украшению себя для повышения шансов на спаривание не имеет границ разумного.

Курсант Лёша не сказать что был красив, как картинка. Худой, сутуловатый, с квадратной головой и огромными залысинами, которые начали расти у него в восемнадцать лет. Ещё и заикаться начинал, когда волновался. А если бы каждый из вас так любил Родину, как Лёша любил женщин, то мы давно уже догнали бы Америку, перегнали её и забыли о том, что она была. Перед началом долгожданного третьего курса мы собирались после отпуска, и тут появился Лёша с бородкой, как у Владимира Ильича, только жиденькой и серой. Выглядело это до невозможности смешно, убого и отвратительно, но Лёша ходил гордый, как павлин в саду у шейха. До первого общего построения роты.

Мы стояли в ласковом августовском воздухе, предвкушая резкое увеличение свобод и глотая слюну от надвигающихся возможностей. Перед строем расхаживал старшина роты, поглядывая на Лёшу. В одной руке у него был блокнот с ручкой, а другой рукой он хаотично размахивал. Я тогда ещё подумал, что как у него это получается: размахивать рукой можно или в такт шагам, или в такт речи, но вот так, чтобы ходить в одном темпе, говорить в другом, а махать – в третьем, это же форменная эквилибристика без страховки.

– Та-а-ак! Рад вас видеть, хотел бы сказать вам я. И я, действительно, несколько рад, потому что без вас мне всё лето было скучно – некого было унижать, не над кем было издеваться, и меня почти никто не ненавидел. От чего, не скрою, чувствовал я себя неудобно! У вас, конечно, сейчас начнётся полная лафа, с точки зрения первокурсников. Если вы будете хорошо учиться и не будете меня злить, то в увольнения я вас буду отпускать чаще, чем раз в неделю, и даже иногда с ночёвками. Так что срочно ищите себе тётку и женитесь на них! Быстрее начнёте – больше попыток успеете сделать до конца жизни. Ну, это касается, конечно, всех, кроме курсанта Карпова!

– Прошу разрешения! – не выдержал Лёша и попался в эту ловушку. Он-то подумал, что если его до сих пор не застроили за бородку, то всё – прокатило. – А почему кроме меня-то?

– Ну, потому что, курсант Карпов, все вы бегаєте в увольнения с единственной целью – найти себе бабу. А так как ты себе пизду на лице отрастил, то баба тебе, следовательно, и не нужна!

Смеяться же в строю нельзя, иначе это не строй, а рой уже получается. Но когда хочется, то можно только в себя, поэтому все начали булькать горлами и надувать щёки.

– Что за ржание, как от полка гусарских коней? – на крыльцо вышел наш командир.

– Да вот, на Карпова любимся и не можем сдержатъ эмоций! – доложил старшина.

Командир был хмур. Фуражку он обычно носил, сильно напялив её на глаза, а сейчас так она вообще у него козырьком на переносице лежала.

– Карпов. Пять минут тебе даю.

– Тащ командир, а у меня бритвы нет, я ещё из дома её не принёс, – вяло попытался сопротивляться Лёша.

– Можешь взять мою зажигалку.

– Или моё вафельное полотенце! – добавил старшина.

– Тащ командир...

– Четыре с половиной минуты, – и командир посмотрел на свои наручные часы, естественно, «Командирские».

Лёша убежал в общежитие, а командир спустился с крыльца к старшине.

– Ну что, ты всё сказал?

– Ну так... На полшишечки.

– Я тоже рад вас видеть, товарищи курсанты! Вы заметно повзрослели с момента нашей первой встречи. Возмужали. Похорошели. Жаль, ума не набрались пока, но тут уж я постараюсь вам его вдолбить!

– Толстой! – на крыльцо вышел начальник факультета. – Беги в учебный отдел, срочно, я тут за тебя доебу их!

– Что-то вас до хуя осталось после двух курсов! – начальник факультета стоял напротив строя, заложив руки за спину. – Я думал, что мы суровее будем прореживать ваши ряды. Ну, ничего. Вы не расстраивайтесь и не думайте, что высшая математика – это самое страшное, что случалось в вашей жизни. Сколько вас тут осталось, человек восемьдесят? Могу поспорить, что до выпуска больше пятидесяти не дотянет!

– Прошу разрешение стать в строй! – подскочил Лёша с окровавленным лицом.

– Старшина, аккуратнее бить надо, сколько я вас учить ещё буду: чтоб следов не оставалось!

– Тащ капитан первого ранга, а это не я!

– А чего тогда он у вас в крови весь? Драчун?

– Ну... смотря от какого слова корень брать, а так просто ошибка эволюции!

– Как и все остальные?

– Так точно, только более ошибочная!

– Ну становись, конечно, в строй, а то через дырки поддувает друзьям твоим в строю-то.

А потом Лёша прочитал в газете, что раннее облысение бывает от избытка тестостерона, и прекратил попытки украшать себе чем-то ещё. Жаль только, что девушки эту газету не читали, судя по всему.

Ну вот. В этом месте уже можете начинать плакать. И ещё (в основном к прекрасному полу обращаюсь), когда увидите на улице курсанта первого-второго курса (худенький, ушастький, несколько несуразный, на рукаве одна или две галочки) – улыбнитесь ему, хоть слегка. Вам это пустяки, а ему передышка в борьбе с эволюционными ошибками.

Мимозы и нутрия

А вы ели когда-нибудь крыс? Ладно, я перефразирую вопрос: а голодали ли вы когда-нибудь настолько, чтоб забыть о своей брезгливости и вспомнить о том, что такой вид животного, как человек, выжил в том числе и благодаря тому, что всеяден? Хорошо, если нет, но жалко, если да.

Курсант, как и студент, всегда голоден. Особенно первые два-три года. Потом это проходит как-то само собой – то ли организм перестаёт активно расти, то ли приспосабливается получать питательные вещества из поцелуев прекрасных принцесс, я точно не знаю, но факт такой имеет место быть.

Чтоб долго не объяснять и не тратить ваше драгоценное время на слежение за растеканием моей мысли по древу, просто скажу, что кормили курсантов на рубеже 80—90-х годов говном. И того давали мало, кстати. Вот вы ели коров из н/з³ СССР? А я ел. Непередаваемые ощущения, когда ты грызёшь жилы этого благородного животного, которое трескало ромашки ещё до того, как твои папа с мамой познакомились! А гороховое пюре из концентратов! Я когда первый раз увидел этот зелёный блин на дне котелка, даже не понял, что это такое там лежит. Ткнул в него вилкой, оно недовольно заворчал и тут же восстановило первоначальную форму, загладив четыре вмятины от вилочных зубцов. И я, вздохнув, пробовать его так и не решился.

Чуть легче было летом и пока совсем не развалился Советский Союз. Летом можно было есть шелковицу и ходить с чёрными губами или грецкие орехи и ходить с чёрными руками. С грецкими орехами вообще смешно вышло первый раз. Заступили с другом Славой в парно-пожарный досмотр ночью. Естественно, первым делом начали искать, что бы нам пожрать. Ну и Славик предложил орехами брюхи набить. А я же из Белоруссии, я же в глубине своей крестьянской души думал, что грецкие орехи растут в посылках из Узбекистана, высушенными и без кожуры, поэтому очень удивился, когда, проснувшись утром на лавочке, обнаружил, что у меня чёрные руки. Потом посмотрел на руки Славика и успокоился – вдвоём-то умирать не так страшно.

А пока не развалился СССР, нам из дома слали посылки с едой. Посылку нужно было сначала предъявить старшине роты. Но ничего такого, о чём вы могли подумать: продукты он, естественно, не забирал, а просто проверял отсутствие вредных для курсантского организма веществ: водки, наркотиков и гражданской формы одежды. Помню, как он однажды удивился, увидев у меня в посылке банку шпротов.

– Это что, ШПРОТЫ?

– Ага.

– Уже даже не помню, как они выглядят... Дай хоть посмотрю!

– Да заберите себе. Отнесите домой, семью угостите!

– Охуел ты? Мне не положено!

– Тащ мичман, ну что нам эта банка на шестерых? Тока форму одежды маслом запачкаем!

– Да не. Не.

– Ой, да берите уже! Честно, как маленький.

– Ты как со старшим мичманом разговариваешь, гад?

– Ртом, в основном.

– Блядь. Не могу удержаться от этого соблазна. Но! Наряд вне очереди за сон на посту я с тебя хуй сниму!

³ н/з – неприкосновенный запас.

- Говно вопрос! Мы забудем об этой истории, как только я выйду за дверь!
- Свободен!

А в каюте меня уже ждали пятеро моих товарищей с хлебом, заранее принесённым с камбуза, и полными зобами слюны. И знаете, нам было так весело и приятно в тот момент, такое душевное единение компании возникало, что наркотик этот ментальный, всосавшись в мою кровь, до сих пор не даёт мне понять, что может быть вообще весёлого в клубешных тусовках и ресторанных застольях с цыганами и медведями.

Местным курсантам, которые были родом из Севастополя, было полегче. Мамы и жёны иногда кормили их котлетами с ложечки через забор и даже гладили по головам. А в первый год о-о-о-очень не хватало, когда тебя кормят котлетами с ложечки и гладят по голове. Потом, конечно, организм начал приспосабливаться, суроветь, черстветь, пропитываться солью и хотеть мяса и грубого секса, а не жареного фарша и предварительных ласк.

Вот историю небольшую про посылку и севастопольцев я сейчас вам и расскажу.

Дружили мы с Витей. А Витя был натуральный хохол, и родители у него разводили нутрий, периодически ему их высылая в копчёном виде. И вот один раз прихватили мы с ним копчёное тело и пошли в ЧПОК (так у нас называлось курсантское кафе, «чайная помощи оголодавшим курсантам» расшифровывается) для того, чтобы кутнуть на широкую ногу: купить себе батон и по стакану сметаны. Уселись за столик и начали препарировать деликатес тонкими дрожащими пальчиками. И тут в чайную зашли два наших товарища из Севастополя: Вася и Рома. Вася вообще-то был Андрей, но узнал я об этом только на третьем курсе, когда позвонил ему домой и попросил позвать Васю к телефону. «А Андрея нет дома», – ответил мне приятный женский голос. «Вот и хорошо! – обрадовался я. – Мне как раз он и не нужен, а нужен Вася!» – «Так я про Васю и говорю, просто я его мама и предпочитаю называть его настоящим именем», – засмеялась Васина (Андреева) мама.

Потом я ходил по роте и рассказывал всем эту сногшибательную новость. Многие удивлялись, доложу я вам.

- Э, что вы тут точите? – как бы попросились к нам за стол Вася и Рома.
- Мясо, – говорит Витя. – Садитесь, тоже точите!

– Ура-а! – закричали Вася и Рома и, сбегав за сметаной, уселись с нами. Нутрия была довольно большой, но четыре военно-морских волчонка справились с ней быстро. Обсосав косточки, мы довольно откинулись и шлифанули всё это удовольствие сметаной.

– Ой, – вздохнул Вася. – Надо на воздух выйти, покурить для закрепления удовольствия!

Завернули обглоданный труп нутрии, погибшей с благородной целью накормить защитников Родины, и вышли на улицу. Закурили.

– А кого мы ели-то? – зачем-то спросил Рома.

– Крысу, – ответил Витя.

– Да что ты пиздишь-то? Какую крысу? Кролик же, небось?

– Ну смотрите, – Витя подвёл Рому с Васей к урне. – Вон лапки, вон хвост. Сразу же видно, что крыса!

И как давай их, бедных, полоскать вокруг этой урны!

– Странные люди! – удивляется Витя. – Когда ели, пальцы до локтей облизывали, а теперь блюют!

– Как мимозы в Ботаническом саду, чесслово! – процитировал я стих классика.

– Ты знаешь что, Витя, – сказал я Вите, когда мы шли обратно в роту, – ты скажи своим, чтоб не сало слали, а нутрий побольше. На двоих-то её приятнее есть, чем на четверых!

– Согласен! Прямо сейчас письмо и напишу!

Так что, скажу вам, что человек – существо всеядное. Особенно пока не знает, кого он ест.

Снег и бабы

Не знаю, как там у студентов с практикой, но в нашем военно-морском училище было заведено так: первый курс – надводные корабли, второй – подводные лодки, третий – завод, четвёртый – опять лодки и на пятом – учебный центр. Вот про учебный центр в городе Обнинске я и расскажу.

Попали мы в него уже тогда, когда учились в Питере, и было это в феврале-марте. Холодина стояла страшная: снег, мороз и женщины в шубах и пыжиковых шапках. Встретили нас довольно радушно – на обучении в центре был один экипаж, который сидел там уже несколько лет в ожидании своего корабля, и преподавательский состав откровенно скучал без свежего мяса. Выделили нам этаж казарменного типа и приказали чувствовать себя как дома.

Только мы кровати поделили и вещи разложили, как меня вызывает начальник учебного отдела. Прихожу, докладываю, сидит там он, ещё мужик какой-то и наш офицер, который к нам из училища был приставлен как старший практики.

– Товарищ курсант, – ласково так спрашивает у меня капитан первого ранга, – ну, как вы тут? Устроились?

– Так точно, – говорю, но пока не улавливаю, в чём подвох.

– Всё ли устраивает? Может, надо чего?

– Ну... Телевизор не помешал бы, конечно!

– Хорошо, будет вам телевизор, в холле поставим.

– А вот скажите, – вступает в разговор второй, – у вас родственники есть в штабе Московского округа?

«Ну да, – думаю я себе, – именно же поэтому я и торчу сейчас в Обнинске, что у меня родственники в штабе Московского округа».

– Никак нет, – говорю. – Никогошеньки абсолютно!

– Точно? А генерал-лейтенант Овечкин не ваш родственник?

– Нет, не знаю таких родственников!

– Ты хорошо подумай-то, повспоминай! – подбадривает меня наш старший практики и страшные глаза бровями делает.

Мим, блядь.

– Да что тут думать-то? Мать у меня – медсестра, отца нет вообще. Точно не мой!

– Ну ладненько, – заметно расслабляется начальник учебной части. – Вы идите тогда, располагайтесь!

– Ты дурак, штоле? – догнал меня наш уже в коридоре. – Я ж тебе мигал! Надо было сказать, что дядька твой какой, мы бы тут как сыры в масле катались!!!

– Вы-то чего бы катались? Это я катался бы, а мне чужого масла не надо!

– Ну-у-уу, дурр-ра-а-а-ак!

Но телевизор нам всё-таки выдали, даже цветной. В принципе, это и были почти все доступные развлечения. Ещё преферанс, конечно, и девушки. Не, на учёбу-то тоже ходили почти каждый день, но наш учебный центр, который находился в Палдиски, уже был не наш, а этот был заточен под несколько другие проекты. Поэтому помимо устройства подводной лодки под кодовым названием «Батон» учили нас, в основном, что не надо брать себе жён из Питера и Москвы, а исключительно из глухоманьских деревень, желательно в Белоруссии. Максимум – из районных центров. Ну, и прочим премудростям ожидающей нас неведомой жизни.

Помогали мы преподавателям, конечно, в быту. Например, доктор получил новую квартиру, и нужно было ему помочь: «Ну там чуть-чуть вещей перенести, человек пять точно

хватит». А чего бы и нет? Всё веселее, чем по учебному центру шататься. Приехали к нему, вынесли с шестого этажа диван, два кресла, кровать, холодильник, стенку, пианино и так, по мелочи ещё грузовик, и пока он бегал куда-то по делам, выгрузили всё это на площадку седьмого этажа, где его новая квартира была. А его всё нет и нет. Куда пропал чёрт? А он бегаёт вон внизу, руками машет – оказалось, что мы подъезд перепутали и не туда вещи перенесли. Подумаешь, проблема! Перенесли куда надо. Ну, он нас отблагодарил – вручил каждому по полукилограммовой железной банке просроченного «Ундевита»!

Мы-то, конечно, рассчитывали на водку, жареную курицу и его дочь, но что поделаешь – витамины ведь тоже нужны организмам, правда ведь?

С преферансом всё складывалось хорошо. Когда наш старший увидел, что мы играем в «тыщу», он сказал, что мы совсем охуели, и немедленно открыл школу преферанса. День и ночь рубились.

С девушками всё было несколько сложнее. В Обнинске их было много. Не так, как в Иваново (давайте отдадимся этому расхожему штампу), но очень много. Из-за суровой зимы определить их красоту и привлекательность на улице было невозможно, а на всякие значные места типа кино и кафе-мороженого денег у нас тогда не было. Нам платили, конечно, стипендию какую-то, и почти все мы работали по ночам (я, например, продавал водку в ночном ларьке на Васильевском острове напротив какого-то ресторана), но в Питере деньги уходили намного быстрее, чем тратились. В двадцать-то с чем-то лет вы не представляете сколько в Питере соблазнов!

Но про баб я не про тех хотел рассказать.

Накануне двадцать третьего февраля – дня всеобщего ликования военных – пошёл густой снег. Я вообще не люблю зиму, и на снег у меня аллергия. Но вот когда стоишь и смотришь в окно на эти белые лопухи, которые плавно, степенно и даже как-то с философским нигилизмом планируют на землю под жёлтыми конусами фонарей, то кажется: ну хуй с ней, с зимой, пусть уж тоже будет, что ли.

– Товарищи курсанты! – врывается в это время дежурный по учебному центру. – Срочно построиться! Форма одежды произвольная!

Надо же, думаешь ты, что за бестактность такая – так нагло оборвать ваши с зимой уже вот-вот установившиеся отношения!

– Товарищи курсанты! – расхаживает дежурный в шинели, шапке и ботинках перед строем в произвольной форме одежды: в основном трусы и тельняшки. – Поступила команда начальника учебного центра! Срочно! Очистить плац! От снега! Завтра на торжественном построении ожидается делегация из Москвы!

– Так снег же идёт!

– А вы не убирайте тот, который идёт! Убирайте тот, который на плацу лежит!

Военная логика так же беспощадна, как и бессмысленна, если вы не в курсе до сих пор. А ночь же на дворе, спать все собирались... И чего-то разозлились, и как давай на плацу баб снежных лепить! И не просто там три шарика и нос-морковка с глазами-уголками, а нормальных баб, со всеми их анатомическими подробностями: сиськами, жопами и волосами в положенных местах. Налепили целую террактотую армию, только из снега, расставили их ровными рядами на плацу и вокруг них снег убрали, конечно! Не можем же мы приказания не исполнить! Часов, наверное, до двух или до трёх содрогались в творческих конвульсиях.

А утром нас разбудил дружный хохот с плаца. Военных, которые пришли в выходной день в кортиках, белых кашне и суровых лицах на построение, встречали красивые, но холодные бабы стройными рядами на плацу.

Причём ржали все без исключения. Начальник учебного центра прибежал к нам красный от смеха и скомандовал срочное построение этих пидорасов-курсантов с куриными моз-

гами и спермотоксикозом вместо остальных мозгов. К тому моменту, как мы построились, он уже взял себя в руки и имел подобающе строгий вид. Хмурил глаза, сопел и прятал ноздри.

– Товарищи, курсанты! – Он ходил перед строем, заложив руки за спину и смотря в пол. – Как вам не стыдно! Ну, просили же вас, как людей нормальных, убрать снег! А вы? Что сделали вы?

Он показал рукой в окно и нечаянно оторвал взгляд от пола туда же. А там уже офицеры и мичмана, все сплошь подводники и суровые витязи морских глубин со следами неоднократных автономных плаваний во взглядах, играли в снежки на торжественном плацу сиськами от наших баб, тактически умело маневрируя между их тел. И, конечно, он не выдержал и засмеялся, а потом махнул рукой:

– Ну что вы за люди-то! Одним приказал снег убрать, они баб налепили, другим приказал баб убрать, – они этими бабами в снежки играют! Бля-а-а-адь!!!

— Мы ж подводники! — ответил ему кто-то из строя.

— Какие вы подводники? Дети же ещё!

И, вытирая слёзы белыми перчатками, ушёл на плац тоже играть в снежки, пока все сиськи не разобрали. Ну не за куском же жопы ему тянуться, в самом-то деле, в таком высоком воинском звании!

Честь

Честь – понятие эфемерное и не относится ни к этическому, ни к правовому полю жизни человека. Каждый из вас представляет это понятие по-своему и каждый из вас, что удивительно, по-своему прав. Покопавшись в словарях и энциклопедиях, вы наверняка найдёте с десяток определений этого понятия. Но как-то определитесь в итоге, что это такое. Но это простая, гражданская честь.

Определений понятия «воинская честь» вы не найдёте вообще. То есть понятие такое есть, а вот определения у него нет. Что это за честь? Индивидуальная, коллективная или коллективная, состоящая из индивидуальных? Только в одном понятии все мы с вами сойдёмся однозначно – честь нужно защищать, причём постоянно. Не спрашивайте меня почему. Я, как и вы, не всегда это понимаю, но так же, как и вы, всегда это делаю. Сейчас расскажу вам, как мы защищали нашу воинскую честь на разных этапах и уровнях.

В военно-морском училище в Голландии («Галоша», по-народному) на момент моего поступления в него было четыре факультета:

Первый и второй – специалисты энергетических установок и турбинисты, в народе – «китайцы».

Третий факультет готовил «маслопупов», это электрики. С восемьдесят восьмого года на этом факультете был открыт специальный класс киповцев («плафоны»).

На четвертом обитали «дусты» – химики.

То есть первый уровень защиты чести – защита чести факультета. Происходило это, в основном, организованными спортивными соревнованиями и всякими кавээнками. Но и на простецком, народном уровне тоже было.

Первый и второй факультеты, например, все пять лет жили в казармах, как обычные срочники. А мы – факультет номер три – жили в общежитии. Чему «китайцы», конечно, завидовали, и чтоб подогреть эту зависть, считалось правилом хорошего тона орать во время проведения футбольного чемпионата училища:

– Китайцы!!! Отдайте наши казармы!!

Химики, например, ходили в баню мимо нашего общежития. И, конечно же, покушались этим на нашу честь, так как мы постоянно поджидали их на балконе четвёртого этажа с пакетами воды и пожарными шлангами.

– Фу-у-у! Дусты-ы! – орали мы, когда их строй проходил под нашими окнами, и дружно бомбили их водой.

– Маслопупы! Пиздец вам! – орали химики, уворачиваясь от ковровых бомбометаний. – Мы вас на скачках всех уроём!

«Скачками» у нас дискотеки назывались, если вы не в курсе. Естественно, никто никого не урывал – половина из них были нашими друзьями и земляками, но вот так происходило всё это постоянно, пока перед нашим строем не выступил заместитель начальника химического факультета, по прозвищу Конь:

– Товарищи курсанты! – декларировал он, ходя вдоль строя. – Все вы по отдельности чудесные и замечательные люди, но, как только собираетесь вместе, становитесь стадом пидорасов! Я не понимаю, как такая метаморфоза возможна в нашей брэнной жизни. Кто-нибудь из вас может мне объяснить? Так я и думал, сейчас же вы, пидорасы, на плацу и обязаны выказывать мне молчаливое почтение, как старшему офицеру. Зачем? Зачем, я вас спрашиваю, вы обливаете моих курсантов всякими нечистотами? Ну, вот что они вам сделали? Да, я знаю, что вы считаете их бездельниками и разгильдяями. Но, ребята, когда вы придёте отдавать свои жизни на подводные лодки, химики придут вместе с вами и вместе с вами же будут служить вашей с ними Родине. Скажите, вам хоть стыдно?

– Сты-ыдно, – гнусавили мы в ответ.

– Не будете так больше делать?

Мы молчим – честь же факультета и вот всё вот это вот.

– Ясно. Вы все знаете, что я злопамятный, злой и ебливый, за что меня и называют «конём». Так вот – летние издевательства я ещё потерплю. Но! Если! Слушайте внимательно, бандерлоги! Если зимой хоть одна падла кинет в моего химика водой, то я лично обещаю вам полный пиздец и бессонные ночи!!! Всё понятно?

– Так точно! – хором отвечали мы.

Потом нарвали цветов и травы и в очередной раз, когда химики шли в баню, с криком «Фу-у-у! Дусты-ы!» осыпали их цветами под их недоумённые взгляды.

А вообще, внутри училища жили очень дружно. Русские, белорусы, украинцы, дагестанцы, татары, аварцы, казахи, киргизы, молдаване и евреи ездили на каникулах друг к другу в гости. Лично я за время учёбы побывал в Дагестане, на Западной Украине и в Молдавии, и у меня в Белоруссии гостило человек пять-шесть.

Выше чести факультета шла честь училища. Защищали мы её путём убегания от патрулей и периодическими стычками с курсантами училища имени Нахимова.

Выше чести училища шла честь Родины. Защищать нам её пришлось, когда училище перешло к Украине после распада СССР. Нам всем было предложено принять присягу Украине и спокойно доучиваться дальше, но большинство делать это отказались, написав рапорта о том, что присягу менять считают делом, унижающим их честь и личное достоинство. Даже половина этнических украинцев из нашей роты захотели продолжить службу в российском Военно-морском флоте, потому что атомных подводных лодок на Украине не ожидалось, а к четвёртому курсу мы уже были пропитаны этой романтикой до кончиков ногтей. Одним из первых, кстати, офицеров в училище, принявших присягу на верность Украине, был Чингиз Мамедович Джавадов.

Потом начался вялотекущий процесс по переводу огромной коды курсантов и офицеров в какое-нибудь училище России. А попутно нас начали агитировать и показывать нам, что тут мы уже как бы чужие.

Сначала была табличка. Раньше на входе в учебный корпус висела советская с военноморским флагом СССР.

Её сняли и повесили жёлто-голубую с трезубцем. Ни хуя себе наглость, подумали мы и разбили табличку в первый же день. Табличку восстановили и выставили возле неё вахтенного. Мы табличку опять разбили. Тогда выставили вахтенного с ножом – тот же результат. Потом выставили вахтенного с автоматом, но таблички так и не приживались до нашего отъезда в Питер.

Потом был концерт.

Мы, курсанты четвёртого курса, полны здоровья и отваги, у каждого есть девушка, а у некоторых и не одна, а нам вместо увольнения и девичьих ласк предлагают пройти в актовый зал на концерт национального детского ансамбля из Львова. Ну, возмутительно же! Пообещали, что там всё будет чинно и закончится быстренько. Сидим, слушаем народные украинские песни. Песни хорошие, детишки поют душевно, но, знаете, в двадцать с чем-то лет девушки намного привлекательнее фольклора любого народа мира. Это сейчас при выборе между концертом и девичьей грудью я задумаюсь на пару минут и спрошу про варианты совместить всё это, а тогда даже мысли такой в голову не пришло бы. Тяга к прекрасному, если вы меня понимаете. Поэтому мы сидим все на нервах и ждём, когда же уже, наконец, всё это закончится.

А в конце – сюрприз. Детишки выбегают на сцену с украинскими флагами и прочей символикой, начинают всем этим размахивать перед нашими удивлёнными лицами и петь какую-то гимновую песню про «Слава Украине! Героям слава!». А ведущий при этом пред-

лагает нам ещё встать и внимать этому стоя. Нет, конечно же и Украине слава, и её героям, но, блядь, мы же российские без пяти минут офицеры, которые явно дали понять своё намерение убить отсюда на Родину. И как-то так вышло, что из-за всей этой постоянно напряжённой ситуации и неясных перспектив мы очень дружно возмутились. Одномоментно и не сговариваясь. Конечно, взрослым певцам мы запихнули бы их символику во всякие анатомические отверстия, но дети – это святое. Моряк ребёнка не обидит.

Поэтому мы дружно встали и молча двинулись к выходу из зала. А на выходе нам зачем-то попытался преградить дорогу мичман, который уже принял присягу Украине и красовался новенькими шевронами с трезубцами. Сильно мы его не били – нас же было в сто раз больше, чем его. Просто сорвали ему погоны, шевроны и дали пару пендалей. Чуть не уголовное дело завели. Вызывали старшин классов на допросы, пугали тюрьмой за неуважение к символике, но так дело и затихло.

Последней весомой каплей в чаше нашего противостояния стал Ленин. Он стоял на входе в учебный корпус.

Сидим мы как-то вечером в аллеяке напротив Владимира Ильича и разговариваем за нашу нелёгкую долю, а на плац заезжает какой-то «ЗиЛ», цепляет к Ленину трос и начинает его сдёргивать. Ленин треснул в поясе и наклонился, но падать отказывался. «ЗиЛ» буксовал и пачкал резиной наш плац, но Ленин стоял. А под ним прямо находилась лаборатория, оттуда выскочил мичман с ломом в руках и с криками «Чтовыделаетебляуроды! У меня там оборудования на миллиарды!» бросился на троих работяг из «ЗиЛа». Естественно, мы бросились ему на помощь. Помутузили этих работяг слегка, поунижали, в основном словами, и прогнали с плаца вместе с их злополучным автомобилем. Ленину потом закрасили трещину в поясе, да так и оставили стоять.

Всякие мелочи о том, как мы дрались с украинскими патрулями и нападали на украинскую комендатуру с целью вызволения оттуда наших друзей, я опушу – всё обыденно.

А после этого случая с Лениным нас и отправили ускоренным порядком в Питер, механиков во ВВМИОЛУ⁴ им. Дзержинского, в то самое, про которое преподаватели нашей «Галоши» твердили нам все эти годы: «Запомните, подводные лодки сами не тонут! Их топят выпускники ВВМИОЛУ имени Дзержинского!» Значит, и там нам наверняка, предстоит отстаивать свою честь.

Огорчённые мыслями о том, что из солнечного и весёлого Севастополя мы едем в ссылку в серый и унылый Петербург, в клоаку по подготовке инженерных кадров военноморского флота, мы загрузились в четыре хвостовых вагона поезда Севастополь – Санкт-Петербург. К городу Симферополь (полтора часа езды) мы уже были изрядно пьяны, махали в окна тельняшками и флагами ВМФ СССР под дружные лозунги «Вэ! Мэ! Эф!», «Ра! Си! Я!» и были готовы отстаивать свою честь не щадя, так сказать, ничего другого. Но украинские милиционеры довольно правильно оценили степень нашей пассионарности, и все перроны на территории Украины были пусты от них и бабок с семечками и пивом. В общем, честь нашу они защитили превентивным ударом.

В Питер приехали поздно вечером в субботу и с хмурыми опухшими рожами выгрузились на перрон Главного вокзала. Покурили и двинули в метро типа организованным строем. Ну уже по дороге поняли, что с девушками в Питере норм, так что всё не так уж и плохо. Вышли на канале Грибоедова.

– Обля! Нева! – крикнул кто-то. Естественно, мы остановились покурить на мосту над Великой Русской рекой. Двинули дальше, когда дошли до Мойки, кто-то опять крикнул:

– Обля! Опять Нева!

⁴ ВВМИОЛУ – Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище.

Все с подозрением покосились на сопровождающего нас офицера, чего это он нас кругами водит, совсем мы долбодятлы, что ли? Ну, остановились опять покурить на мосту над Великой Русской рекой. Там я познакомился с девушкой Машей, назначил ей свидание на завтра, но потом пропустил его из-за Кобзона, будь он неладен.

– Чего вы курите-то каждые двести метров? – поинтересовался встречающий нас офицер.

– Ну так... Нева же!

– Долбодятлы, какая Нева... Она вообще с другой стороны Адмиралтейства! Это же река Мойка, а до этого был канал Грибоедова! Ну, серость севастопольская!!!

Ладно, «серость» мы ему запомнили. Но вслух-то сказали, что зато мы загорелые, красивые и нравимся девушкам.

Привели нас в училище через главные ворота прямо под шпилем. Завели в казарму. Мы-то с первого курса в общежитии жили, а тут – казарма! Дикие нравы, конечно. Ходит с десяток дзержинцев с хмурыми лицами. Ну, значит, надо отстаивать честь нашей альма-матери.

– Чо, – спрашиваем, – не встречаете нас? Где поляна и всё вот это вот?

– Да нельзя же нам спиртное-то в казарму приносить, – говорят.

Четвёртый курс, чтоб вы понимали! Дикие нравы, просто средневековые. Но у нас с собой ещё осталось изрядно. И кэ-э-эк давай мы там чести защищать. Они – свою, мы – свою. Это был один из двух случаев в моей жизни, когда я напился до беспамятства. Кто там кого перепил, кто чью честь отстоял – не помню. Но. Раз рассказываю я, то пусть будет, что мы, севастопольцы, и победили.

Утром разлепляю то место, где у меня должны быть глаза, и вижу, как на меня смотрит голый мужик. В шлеме и с копьём. «Ну пиздец, Эдик, – думаю, вдавливаясь в подушку затылком. – Допился!» Потом уже, когда очнулся мозг, я определил, что это же просто статуя Аполлона с адмиралтейского шпиля на меня таращится. Ну, норм, значит, можно с алкоголем не завязывать пока что. А тут крик из предбанника:

– Смирно! Дежурный по роте на выход!

Заходит командир этой роты ну и наш теперь командир как бы.

– Бля-я-а-а-а! – говорит. – Ну и воняет тут у вас перегарищем! Вы что, бухали, что ли, тут?

Дзержинцы стоят, краснеют, стесняются, а мы говорим:

– Да не, это мы с поезда бухие приехали.

Защитили честь наших новых друзей. Вы же это заметили, да?

– А, ну тогда ладно, – успокаивается командир под удивлённые взгляды дзержинцев. – Надо, в общем, сорок человек на концерт Кобзона отправить. Прямо сейчас.

– Каво-каво? – удивляемся мы, – какого-такого Кобзона? У него же даже подтанцовки красивой не будет, что мы там забыли?

– Ну, смотрите, – говорит командир, – или вы сейчас идёте, так как вам заняться всё равно нечем и денег у вас российских даже нет. Или я своих из увольнения отзываю от семей, девушек и собак.

Ну, конечно, мы пошли. Незнакомых друзей в увольнении подставлять на флоте не принято. Десять бабушек, две тётеньки и все остальные – военные на концерте. Сели мы подальше, кресла мягкие, удобные, ну хоть выспимся. Так мы себе подумали. Какое там. Орал этот Кобзон, как бешеный, чуть до конца досидели. И так-то его не любил, а с тех пор так вообще органически не перевариваю. А ещё Маша на мосту меня так и не дождалась из-за гада этого. Правда, потом я её нашёл в Питере, две недели понадобилось, но нашёл. «Мы ж подводники – мы силачи», как в песне поётся.

А потом мы опять напились, с горя. Как-то осознали, что нет больше нашего Севастополя, нет больше нашей «Галоши» и это – навсегда, а не приключение на недельку.

В понедельник нас повели на медосмотр. Докторша уж больно симпатишная была, и честь Севастополя надо было отстоять. Ну, вы понимаете.

– Покажите язык, – говорит мне.

Что за вопрос – показываю.

– О-о-о-о! – говорит она. – У вас, молодой человек, географический язык!

– Да, – говорю. – Географию морей и океанов я люблю!

– Нет, – говорит она. – Пить вам нельзя! Авитаминоз!

– Как скажете, – покорно соглашаюсь я. – А что вы делаете сегодня вечером, например?

– Вы что, севастопольцы, сговорились тут все? У вас что, женщин там в Севастополе не было? Такое ощущение, что вы с Антарктиды приехали или с Кавказа!

– Были. Но вы, прошу прощения, не ответили на мой вопрос.

– Я сейчас мазок у вас брать буду, Эдуард, в связи с вашей наглостью! – говорит она, заглядывая в мою девственно чистую медкнижку.

– Я, может, и не против, – отвечаю. – И не знаю за ваши питерские правила этикета, но мне кажется, что мы форсируем события. Я-то в кино сначала сходить планировал. Ну там, роз вам купить. И «баунти», может.

– Так! Вон отсюда! – сверкает она на меня взглядом по-над очками.

Выхожу. В коридоре очередь, все волнуются, «ну как там?» спрашивают.

– Подождите, ребята, – говорю я и захожу обратно.

– Ну а завтра, например, что вы делаете, если сегодня заняты?

Бросила в меня ручкой. Выхожу. Делаю всем жест рукой и захожу обратно.

– Я и до послезавтра готов ждать, если что.

Она, конечно, тут же краснеет и выскакивает в коридор.

– Так, на! Ко мне больше никому не заходить! Этому (тычет в меня пальцем) сдать все медкнижки, и все свободны!

– А чо это ему? – начинают роптать юноши с так грубо попранными надеждами.

– Всё, я сказала! Все вон из лазарета!

В общем, в училище имени Дзержинского мы освоились быстро, и приняли нас там хорошо, как родных. Осознав, что нашей чести внутри ничего не угрожает, мы принялись вместе с аборигенами защищать честь училища.

Происходило это, в основном, в пивбаре «Висла». Стоял он тогда на улице Гороховой и пользовался у нас популярностью за недорогое пиво и аутентичную обстановку. Столы, рыбы трупы на полу, запах перегара и все в таком роде. Но нравился он не только нам, а вообще всем курсантам военных училищ. Ну и, естественно, мы там дрались! А как вы себе думали? Сидит сапог какой-нибудь и вдруг дерзко посмотрел в сторону моряков. Разве же можно было допускать такое поправление военно-морской чести? Вот и я о том же.

Драк удавалось избегать только в одном случае. Когда туда приходил один курсант из Военно-медицинской академии. Он всегда приходил с баяном и пел. Как он пел, ребята! Я, конечно, атеист, но тут по-другому и не скажешь: пел он, как бог. Я не знаю, конечно, как пел бы бог, если бы он был, но уверен, что именно так. Какой там Кобзон, я вас умоляю! Когда обстановка накалялась и вот-вот готова была излиться в очередную потасовку, он брал стул, садился посередине зала, расчехлял баян и заводил: «Дремлет прити-и-ихший северный горо-о-о-од!» (вот точно так, как я сейчас, только красиво). И все начинали натуральным образом собираться в круг, обниматься, брататься, и некоторые даже плакали. И военно-морская Честь, скромно потупив взор, сидела в уголке с Честью сухопутной и молча курила, обижаясь на то, что всем нет до неё никакого дела сегодня.

А ещё милиционеры. Питерские милиционеры очень любили проверять у меня документы, когда я гулял по городу в гражданской форме одежды.

- Здравствуйте, а можно посмотреть ваш паспорт?
- Нельзя. Нет у меня паспорта.
- Как это нет паспорта?
- Вот есть военный билет.
- А где здесь прописка?
- Какая прописка? Это же военный билет, бля!
- Так вы служите?
- Нет. Учусь. Вот же написано: «ВВМИОЛУ им. Дзержинского».
- Коллега, что ли, наш?
- Тамбовский волк вам коллега, а я – военный моряк!
- А почему училище имени Дзержинского?
- Да ебу я? У Дзержинского своего и спросите!
- Ну, спасибо тогда вам и до свидания!
- И вам не болеть.

Конечно, лично я потом влюбился в Питер так же крепко и безответно, как и в Севастополь. Ну как можно не влюбиться в город с Государственным Русским музеем внутри? Вы понимаете? Я – решительно нет. Когда я первый раз увидел Айвазовского, я часа два сидел перед «Девятым валом» и не мог оторвать жопу от скамейки или хотя бы закрыть рот от этой неземной красоты. Японские туристы фотографировали меня больше, чем Айвазовского. Потом тётенька мне рассказала, которая зал этот охраняла. Я-то не видел ничего вокруг. И как-то боль эта острая от потери Севастополя, родного своего училища постепенно загладилась. Хотя до сих пор, когда меня спрашивают, отвечаю, что окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Хотя на самом деле заканчивал-то я уже Высшее военно-морское инженерное ордена Ленина училище имени Дзержинского, о чём и написано в моём дипломе. Но руководство этого училища пошло нам навстречу и разрешило значки о высшем образовании подписать «СВВМИУ», за что им ещё раз спасибо.

Память – она такая, знаете, как грампластинка. Вроде и играет ещё, а некоторые места уже так затёрты, что их и не слышно. Только шум. И ощущения.

Рассуждения о воинской чести невозможны без упоминания о противоположном поле. Девушки и женщины, естественно, покушались на воинскую честь постоянно. Как, впрочем, и военные на их честь соответственно. Борьба полов, ага. Опишу один случай, не сказать, что характерный, но довольно показательный для понимания всей глубины этой борьбы.

Два друга моих, назовём их Вася и ещё один, познакомились с двумя принцессами прямо на Невском проспекте. Слово за слово, накупили водки, колбасы, сыра и помидоров и привели их в учебный класс для более детального обсуждения влияния Гогена на поздний постимпрессионизм. Ну, как привели – через четырёхметровый железный забор с пиками перетасили. Сила искусства же, вы меня понимаете.

Побеседовав о разных течениях в европейской живописи и выпив изрядно водки, решили перейти к физическим упражнениям на свежем воздухе (форточка открыта была). Поставил Вася, значит, свою принцессу в позу пьющего оленя к столу, снял с неё, что там было снизу, и с удивлением для себя обнаружил на крестце у своего без трёх секунд полового партнёра татуировку в виде волчьей головы с оскаленной пастью. Вася был парнем отчаянным, чтоб вы понимали. Вдуть бабочке или там цветку какому-нибудь было ему абсолютно не слабо, хотя тогда это и не было ещё повсеместным трендом. Но волку? А вдруг он голодный и укусит за вот это самое место? Так подумал Вася и решил сначала покормить волка, а потом уже отстаивать свою военно-морскую честь (в половом разрезе этого вопроса). Взял Вася со стола батон докторской колбасы классического советского размера и

со всего маху хлопнул его принцессе на попу. Не знаю уж, о чём там фантазировала принцесса в это время, но предпочла, ойкнув, потерять сознание на всякий случай. Что там было с волком, поел ли он, не знаю, но у людей в этот вечер ничего не получилось. Принцессу сбрызнули минералкой, привели в чувство и отпустили обеих на свободу, распространять слухи о гигантских размерах у моряков. Так что чисто технически будем считать, что честь свою моряки отстояли.

Ну и, помимо женщин, есть еще и непосредственно служба. Флот. На флоте честь свою приходилось отстаивать перманентно вообще. Вплоть до государственного уровня. А ещё наши экипажные чести нам предлагалось отстаивать на строевых смотрах. Подводники ходить строевым шагом считали моветоном и унижительным занятием для своего атомного самолюбия. Где-то, примерно, в области измены Родине. Если офицеры шли вместе в количестве более двух, то обязательно не в ногу. А если экипаж шёл строем, то это было больше похоже на пьяную многоножку чёрного цвета.

– Товарищи подводники! – вещал на построении дивизии дивизионный замполит. – Через неделю торжественный смотр строя и песни! Вы должны отстоять честь нашей дивизии и своих экипажей, я считаю, а не позориться, как всегда! Поэтому предлагаю командам частей усилить занятия по строевой подготовке и разучиванию строевых песен!

– Прошу разрешения! – это наш командир не выдержал. Склонил голову к плечу, а значит, зол как чёрт.

– Да, Александр Сергеевич!

– У меня через неделю выход в море для сдачи задачи и заступление в боевое дежурство. Прошу разрешения попать нашу строевую честь в пользу боевой!

– Александр Сергеевич!!! Это неправильный подход к воспитанию сплочённости экипажа!!! Красив в строю – силен в бою!!!

Командир с удивлением смотрит на свой экипаж – ну и так же сплошные красавцы, куда уж?

– Товарищ капитан первого ранга! Нам поставлены сжатые сроки. Кроме того, я считаю необходимым дать людям отдохнуть, и я готов потерпеть их уродство в строю!

Замполит шушукается с командиром дивизии, тот машет на нас рукой, и до нас доносятся только обрывки их разговора: «...ну... мать...», «...в жопу... бля», «...год не вынимая...». После чего слово берёт командир дивизии.

– Экипаж ТК-20 освобождён от строевых занятий. Пусть позорятся перед штабом флотилии, я разрешаю. Но остальные!!! Чтоб каждый день!!! Лично буду проверять!!! Контролировать!!! И не дай бох, хоть одна падла!!!

И наша строевая честь, показав язык боевой, уходила в гости к соседнему экипажу, и те впоследствии с фурором позорили их обеих.

А ещё честь страны. Ну а как же? Скопились, например, у страны баллистические ракеты с истёкшими сроками их хранения. Надо бы их, вроде как, срочно утилизировать, а денег у страны нет – все у Пугачёвой на Рождественских концертах. И приходит кому-то в голову гениальная мысль: «А давайте их утилизируем путём отстрела с атомной подводной лодки в Баренцевом море, и пусть они там себе на дне валяются!» Американцы, конечно, тут же начинают смеяться натуральным образом, хватаясь за свои животики: «Ну как, факин шит, можно стрелять баллистическими ракетами с истёкшими сроками хранения? Это ж физически невозможно!»

«Ах вы смеяться вздумали! Над Расеей! Экипаж ТК-20! Немедленно приготовиться к выполнению боевой задачи по защите Чести нашей Родины!»

А у нас командир БЧ-2 (ракетной) был удивительно добрым человеком. Почти всегда улыбался, когда разговаривал.

– Сей Саныч, – улыбался он командиру в центральном, изучив документы, – да у этих ракет срок хранения в два раза превышен от положенного! В два! Да хуй его знает, что там вообще с этими ракетами... Может, уже и трещины в корпусе пошли!! Жопа, короче, полная в разрезе осевой плоскости!

Командир задумчиво крутил в руках шариковую ручку:

– Выбора-то нет, понимаешь. Будем надеяться на механиков, если что. Может, вытащат. Вытащите?

– Вытащим, Сан Сеич, куда же мы денемся!

И мы дважды в течение года, занимая стартовый коридор на глубине сорока пяти метров, стреляли полным боекомплектом, под изумлённые взоры американских военных наблюдателей. А Расея потому что, и нечего над ней смеяться.

Потом нас объявили лучшим на флоте экипажем по ракетной подготовке и в качестве благодарности за сэкономленные стране триллиарды разрешили нарисовать на рубке звезду с количеством ракетных пусков. Так и ездили мы потом с цифрой «51» на рубке. Командира тогда во второй раз представили к званию Героя РФ, но звезда до него опять не дошла, осев где-то в вышестоящих штабах.

– А что это у вас за цифра? – спрашивали у нас непричастные люди, тыча в звезду на рубке.

– А это внутренний телефон командира, – отвечали мы.

Обидно нам было тогда очень за командира нашего, он же честь страны своей отстоял всё-таки. В очередной раз.

Вот, в общем-то, и всё, что я имел вам сказать по поводу воинской чести на текущий момент.

Романтика

Не все неокрепшие умы знают, что такое Романтика. Некоторые, например, думают, что Романтика – это такая штука, которая поджидает их готовенькая к своему дальнейшему использованию. Идешь ты по парку, а она сидит на скамеечке и подмигивает тебе: «Эй, морячок, не желаешь ли мной воспользоваться?»

На самом деле всё обстоит несколько иначе.

Как юноша представляет себе морскую романтику? Да очень просто. Он стоит на капитанском мостике парусника, который качается на спине Гольфстрима, в белом кителе, фуражке и с трубкой в зубах, выпуская уголком рта сизые облачка дыма. Прищурив глазёнки от ласково дуящего ему в лицо муссона, всматривается в горизонт, устало игнорируя мечущихся по берегу женщин, срывающих с себя бюстгалтеры от вожделения.

Скажу вам, что жизнь приготовила для этого юноши несколько сюрпризов. И почти все малоприятные. Сначала, чтоб стать профессиональным моряком, ему надо научиться. И вот будущий морской волк из какого-нибудь Дна попадает в жаркий южный город на берегу моря. То есть, следите за моей мыслью, пожалуйста: ему семнадцать лет, а тут южный климат, море и полуголые женщины. Везде. Никто же из вас не станет спорить, что юношеская романтика связана исключительно с доминирующим желанием вдуть понравившейся девушке? А на свободу его выпускают учителя хорошо, если пару раз в месяц. Да и то какая там свобода? Денег у него нет, берлоги, куда можно привести самку для спаривания, тоже, поэтому слово «свобода» тут можно применить только в качестве издёвки. Что остаётся будущему морскому волку?

Правильно – дискотеки, которые проводятся два раза в неделю в его альма-матери. На дискотеки ходят, в основном, приличные девушки, которые требуют к себе применения знаний романтики: внимания, ухаживаний и долгих предварительных ласк и без всего того, чего так жаждет пассионарный организм молодого морского волка. Но бывают и половозрелые самки человека, которые желают именно того же, что и молодой морской волк. И первые два года своего обучения волк занят только охотой на эти экземпляры. Он наизусть знает все доступные помещения и все уютные заросли кустарников в ближайших окрестностях, прямо как юный натуралист. Что же здесь романтичного, возможно, спросите вы? Кто не любил, тот не поймёт, дерзко на это отвечу вам я.

Начиная с третьего года обучения личная жизнь молодого морского волка начинает потихоньку налаживаться. Его уже отпускают на свободу с ночёвками практически каждую неделю. Если у него богатые родители или есть друг из местных, то жильём он обеспечен, и тут-то и приходит самая пора начинать обучаться романтике. Некоторые, конечно, к этому времени уже успевают жениться (слабаки) или снимают жильё на пять-шесть человек, но их мы рассматривать не будем. Лично у меня был друг Слава, который жил с мамой в двухкомнатной квартире. Мама часто работала по ночам или ночевала у подруг и родственников, поэтому у нас со Славой был составлен график привода девушек домой.

Однажды приезжаю домой в субботу, сменившись с наряда, а Слава сидит за роскошно (два апельсина, шоколадка и бутылка «Массандры») накрытым столом и вырезает что-то из банки из-под растворимого кофе. Слава был до ужаса добрым, обаятельным и смешным парнем. Один только недостаток присутствовал в его организме – скромность. Поэтому с девушками у него были проблемы, в которых мы всем взводом пытались ему помочь. И вот наблюдаю я, как Слава старательно вырубает из этой бедной баночки вензеля, загогулины и прочие отверстия, стелет ей на дно кусочек хлеба, втыкает в него огарочек свечи и торжественно водружает это на стол.

– Слава, а ты для чего это убище на стол поставил?

– Ну как, романтично же! Может, даст.

Вздыхаю от непроходимой неумелости ухаживания за дамами. Выбрасываю его конструкцию в окно. Беру стакан, оборачиваю его какой-то льняной тряпочкой, завязываю бечёвкой по спирали, ставлю на дно свечку и говорю:

– Учитесь, Вячеслав – крестьянский сын! Стиль «эль прованс» называется! Теперь – точно даст.

И уезжаю на дискотеку в училище, так как у Славы внеплановая вероятная встреча, а дружба у нас намного крепче и важнее желания кому-нибудь понравиться, а то и вдуть. Потому что уже к третьему году обучения «суровое братство морское» – не просто фраза.

А потом молодого морского волка переводят в Санкт-Петербург. Он уже поднаторел в общении с особями противоположного пола, натренировался в создании романтической обстановки из говна и палок и умеет бороться с природной застенчивостью. Прямо сойдя с поезда и добравшись до канала Грибоедова, он знакомится с чудесной девушкой Машей и уговаривает её на свидание на завтра, честно и открыто козыряя тем, что не замуж же он её зовёт, в конце концов, так почему бы и нет, если да? Но злобный Кобзон коварно рушит его планы, затаскивая административным ресурсом на свой концерт. Начало девяностых, чтоб вы понимали, – даже ещё пейджеров не изобрели. Но если вы думаете, что молодые морские волки сдаются перед таким мелочным препятствием в достижении своего желания, как многомиллионный незнакомый город, то вы не знаете ни одного из них.

Две недели. Две недели он дежурил на двух соседних станциях метро в часы пик, хищным взглядом всматриваясь в серый людской поток, текущий как река Стикс, пытаясь захлестнуть его Мечту. Он познакомился со всеми нарядами милиции на этих станциях (так как наружность его была далека от той, которую принято надевать на славян), с продавцами шавермы (по той же причине), с продавщицами цветов (он покориł их матёрые сердца своей историей) и со всем асоциальными элементами окрестных районов. Милиционеры даже договорились со своим начальством и предлагали ему на полном серьёзе составить ориентировку на девушку и объявить её в розыск (только для своих услуга). Продавцы шавермы предлагали разослать всю свою многочисленную родню по всем заводам, предприятиям и конторам, чтоб помочь брату в поисках. А бомжи просто шарились по району и смотрели, даже не беря за это плату сигаретами.

И вот она появилась. С грустным лицом этот лучик среди туч поднимался на эскалаторе! Молодой морской волк выставил заранее условленным жестом за спину руку, в которую продавщица цветов метнула заранее отработанным многочисленными тренировками движением букет цветов, а Ашот – шаверму. Шаверма была перепасована нарядом милиции, который уже приготовился аплодировать, а Ашоту был показан жест «ну тыбля дурак, что ли?». И она, увидев молодого морского волка с букетом цветов, заулыбалась, и все вокруг поняли, что всё у них получится, и дружно вытерли наворачнувшиеся на глаза слёзы умиления.

А потом волк вырос, возмужал, и его посылают на флот. Близко к Гольфстриму, да, но отнюдь не на парусники. Молодой морской волк готовится отправиться за своей Романтикой, радостно повизгивая и потирая лапки. В это время с ним происходит удивительная метаморфоза: из молодого морского волка он превращается... в ещё более молодого морского волка. Это сложно объяснить, но так оно и есть. Родина в данном случае проявляет к нему некоторое милосердие и посылает его на флот летом, когда он, глядя на окрестности, думает себе: «Да не так уж всё и херово, как рассказывали».

Пейзаж, конечно, несколько однообразен, но очень красив. Грибы, ягоды, сёмга, форель, треска размером с телёнка и камчатские крабы размером с него самого. Он же не знает ещё, что только этим и будет питаться пару-тройку лет и потом всю свою оставшуюся жизнь слова «крабы», «красная рыба» и «икра» будут вызывать у него позывы к рвоте. А потом наступает ЭТО.

Это продолжается с октября по июнь и называется почему-то не Адом, а зимой. Однажды я выглянул в окно утром и, увидев снег, подумал, что, наверное, у меня аллергия на него и я скоро сойду с ума от его постоянства и обилия. Минутная, конечно, была слабость, потом прошла. Солнце, которое летом светит в окно круглые сутки, зимой не показывается вообще. Всё время ночь. Если вы никогда не жили в Полярной Ночи, то вы вряд ли меня поймёте. Наверняка подумаете, что я сгущаю краски. Но нет, Полярная Ночь – это жопа. То есть если вампиры всё-таки начнут поработать человечество, то я точно знаю, где у них будет Главная База.

Муссоны. Муссоны, конечно, дуют, но назвать их ласковыми, особенно зимой, у меня не повернётся язык, несмотря на всю мою велеречивость. Они дуют прямо в кости, с лёгкостью продувая шинель, китель, нательное бельё, шкуру и мясо. Куда бы вы ни шли, они всё время дуют вам в лицо. Как это происходит, я не знаю, но ощущения именно такие. Летом-то их ещё можно пережить, тогда они хотя бы тёплые. Но картину, когда с абсолютно сухих швартовых концов толщиной с мою ногу капает какая-то маслянистая жидкость, потому что ветер отжимной, и они при этом звенят, как струны на гитаре, я не забуду никогда. Как не забуду и ощущение, когда ты не можешь выскочить из рубки на палубу, потому что ветром тебя задувает обратно, словно какой-то фантик, а не целого офицера военно-морского флота. Те, кто меня видел, подтвердят, что мужчина я не маленький. А выползал из рубки на четвереньках. И командир выползал. И старпом. И Павлов Андрей Борисович выползал, мастер спорта по вольной борьбе, между прочим.

Гольфстрим. Он, сука, есть и протекает неподалёку. Из-за него никогда не замерзает море и влажность даже зимой зашкаливает. Из-за Гольфстрима и муссонов при минус 25 градусах зимой в гарнизоне объявляется сигнал «Холод-1» и запрещается выходить на улицу. Хотя уже при минус 15 тыловишь себя на мысли «сукапиздецкакжехолодноблядь».

– Борисыч, ты куда пошёл?

– На пирс поссать схожу.

– Палку взял?

– Струю от конца отбивать? У меня там стоит.

Отрывок будничного диалога.

Брызги в лицо. Подводная лодка «Акула» высотой двадцать семь метров, из них над водой в среднем пятнадцать. И если вам в лицо брызгает море, то вы привязаны к мостику цепью, и главная ваша задача – не выбить себе зубы об ограждение рубки. А если ещё и зима, то ваши волосы в носу слиплись в ледяные комки, и дышите вы ртом через ледяную шайбу горла водолазного свитера, натянутого на лицо.

Качка. Если вы думаете, что подводные лодки не качает, то очень глубоко заблуждаетесь. Когда подводная лодка на поверхности, её вообще швыряет, как щепку, из-за особенностей обводов. И под водой её тоже качает! А подводную лодку «Акула» из-за длины в сто восемьдесят метров качает ещё сильнее и продолжает качать некоторое время после того, как шторм закончился. Инерция, мать её. А вы же помните, что морской волк родом, например, из Дна. Вот откуда ему знать, есть у него морская болезнь или нет? Он же и моря-то никогда не видел, а только мечтал о нём. И в итоге из двухсот морских волков на борту на приёмы пищи ходит человек семьдесят или восемьдесят, остальные в это время блеют. В каютах, в гальюнах, в умывальниках и на боевых постах в заранее заготовленные ёмкости. На завтрак и обед им можно не ходить, а вот на вахту – нельзя. К счастью, оказалось, что у меня морской болезни нет, и я на завтраках обжирался колбасой и маслом, а на обеды набивал брюхо исключительно котлетами, вознося хвалы Посейдону.

Женщины. После обучения в Севастополе и Санкт-Петербурге с россыпями и созвездиями фемин везде в закрытом гарнизоне с этим, конечно, форменная беда. Нет, к этому времени морской волк уже понимает, что женщины не срывают с себя бюстгалтеры от одного

его вида, и снимать их ему приходится самому. Но было бы с кого снимать. А тут практически все женщины – жёны боевых товарищей или их дочери. Немногочисленных гарнизонных блядей лично я в расчёт не беру – всегда ими брезговал, да и никакого охотничьего азарта. Чужих жён, кстати, тоже. Никогда не заводил отношений с замужними дамами, это один из моих принципов жизненных. Некоторые женщины свободного полёта и в разведённом состоянии работают, конечно, в штабах и береговых базах, но, блин, я ни разу не смог столько выпить. А вот историю одну вспомнил.

Пришли с автономки, и у нас осталась куча мяса. Мясо было нарублено на равные доли и запаковано по ДУКовским⁵ мешкам. На каждый мешок была наклеена бирка: «Павлов», «Овечкин», «Макаров». Но вахта же на подводной лодке несётся постоянно, несмотря ни на что. И вот приволакиваю я этот мешок мяса с биркой «Павлов» его жене Ларисе. Лариса внимательно смотрит на кровавую говяжью четверть с биркой и говорит:

– Ну наконец-то. Хоть поживу в своё удовольствие. Доча! Папа с моря вернулся!

Шутила, конечно. На удивление дружная семья у них была. Я даже иногда им завидовал.

А ещё – товарищи. Они постоянно гибнут и умирают. Они горят, тонут, калечатся или сжигают свои внутренности палёным спиртом. Или просто падают с груши и разбивают себе голову, когда собирают урожай в долгожданном и редком летнем отпуске. Но таких товарищей, которых я приобрёл на флоте, я больше не встретил ни разу за всю свою жизнь. Мы всё делали вместе: перевозили друг друга с квартиры на квартиру, скидывались едой для тех, у кого были дети, веселились, горевали, воевали, ели, курили, ходили по бабам в Северодвинске и Оленьей Губе... Дружба наша была непрерывной, круглосуточной и безвозмездной. Могли бы и умереть вместе, но нам повезло.

Где же тут Романтика? Вы не поверите, но в КАЖДОМ СЛОВЕ. В конце концов, морской волк понимает, что все его представления о морской романтике были смешны своей наивностью и примитивностью. На самом деле всё гораздо красочнее и грандиознее.

Тяжёлая мужская работа, лишения и Смерть за плечом приносят в его жизнь такую Романтику, о которой он и мечтать не смел. Настоящую, если вы понимаете, о чём я. Не каждый, конечно, может это выдержать.

Но кто смог, тот меня поймёт.

⁵ ДУК – устройство для удалений контейнеров.

По системе Станиславского

Столкнулся тут несколько раз с каким-то непонятным недопониманием того, что все офицеры военно-морского флота – это люди с высшим образованием. И ещё больше люди не понимают, как офицеры его получают-то, если они вроде на службе всё время, и откуда у них тогда дипломы берутся государственного образца. Сейчас расскажу вам одну историю, вспомнилось тут.

Офицеры не сразу рождаются офицерами, а обычными, на первый взгляд, детьми. Потом они растут – как все, ходят в школу и даже, может, и не сразу хотят стать военными, а тем более моряками. Как все нормальные дети мужского пола, они сначала хотят стать космонавтами или пожарными, а потом юристами или программистами, а может быть, и вовсе директорами заводов. А потом они начинают читать всяких капитанов Бладов, смотреть фильмы про секретные фарватеры. И в их не заматеревших ещё душах начинает зреть Мечта, обильно сдобренная неуёмной юношеской фантазией, и вырастает она до каких-то невиданных масштабов и приводит в военное училище. В военно-морское, конечно, если романтика прямо из всех щелей сквозит, даже тех, которые прикрыты нижним бельём и шапкой.

В военно-морском училище эти дети сразу начинают служить и учиться одновременно. То есть особенно в первые два года из пяти (а четырёхлетнее высшее образование мы в расчёт брать не будем, как неполноценное для нормальной жизни) курсанты живут примерно как солдаты в армии, с той только существенной разницей, что «солдат спит – служба идёт», а курсант в это время ещё с головой окунается в получение высшего образования. Высшая математика и всё прочее складывается со стояниями в караулах, уборкой территорий, учениями и даже чисткой картошки. Вот, например, заступаете вы на дежурство в хозяйственный взвод. Естественно, идёте туда только после того, как у вас закончились все занятия и прошла самостоятельная подготовка, то есть поздно вечером. И приходит вас в скользкую кафельную комнату пятнадцать человек, а вас там ждёт пара тонн картошки, которую нужно начинать на всё училище на завтра. А машина для чистки картошки почти всегда не работает.

Ну, картошке-то всё равно, вы же понимаете, она лежит в предвкушении ласк юношеских ладоней и сама себя чистить не собирается абсолютно. И вот садитесь вы кружком с ножиками на стульчики, ставите лагуны и начинаете. Сначала, конечно, даже весело. В магнитофоне играет группа «Кино», вы травите анекдоты и тренируетесь подкалывать друг друга за малейшие проступки и неловкие ситуации. Но это первых часов пять-шесть. Потом, конечно, становится грустно, скучно и хочется спать даже больше, чем ебаться (уж простите, но более подходящего по глубине трагизма сравнения тут и не подобрать). И так продолжается до шести утра, например, а один раз до полвосьмого даже было.

И что, вы себе думаете, делают эти юноши дальше? А я вам скажу – идут на занятия, а первые две пары у них высшая математика. И вот приходит к ним в класс маленькая сухонькая пожилая женщина, которая так-то преподаватель высшей математики с какой-то там учёной степенью, и смотрит на них из-под своих очков, и видит пятнадцать зомби с красными глазами и бледными лицами, и спрашивает у старшины класса:

– А что случилось-то? Война, что ли, была ночью?

– Так точно! – отвечает ей наш старшина класса Антон. – Воевали с корнеплодами до семи тридцати! Но мы победили, не волнуйтесь!

И пожилая учительница смотрит на свой конспект и план занятия, на наши тела, которые – даже без очков видно, что без мозгов, и говорит:

– Идите в роту спать, потом навестаем.

Ну, вот как было не расцеловать от восторга эту дивную женщину?

Но кроме всего этого мелочного ещё же и тяга к прекрасному есть! И я не только о девушках говорю сейчас, с ними-то всё понятно, пассионарности молодых и здоровых мужских организмов позавидовали бы и монголо-татары образца тысяча двести тридцать шестого года, это же и так всем ясно. Я говорю сейчас о тяге к искусству. Хотя всё-таки к девушкам она была сильнее, чего уж тут.

Мы тогда на втором курсе военно-морского училища учились, когда в Севастополь приехал «Сектор Газа». Группа легендарная в те времена, кто не знает – сам дурак. Пропустить концерт классиков российского панк-рока не представлялось возможным, и мы с другом Славой купили билеты. Накануне подходим к командиру роты и объясняем ситуацию, просимся у него во внеочередное увольнение для повышения своего культурного уровня. Он, естественно, интересуется, что за группа такая, какие песни поёт и достойно ли вообще будущему цвету нации посещать их. Мы ему рассказываем истории, что это вокально-инструментальный ансамбль, поёт, в основном, о любви, но есть и про Родину пара песен, про голубей там...

А был у нас Дима один – молдаванин с такой смешной фамилией, что его даже не дразнили ей – она была настолько смешная, что и дразнить было не смешно. Дима был хорошим, добрым парнем, но, как и любой подросток в семнадцать лет, хотел казаться крутым. Поэтому сразу объявил нам, что, вообще-то, у него в школе было прозвище Рысь – за его дерзкий характер и общую охуенность организма в целом. Ну, окей, сказали мы Диме и начали тотчас называть его Одноухая Рысь, так как одно ухо у него было порвано в детстве, неправильно срослось и смешно торчало вбок. Прозвище к нему приросло так сильно, что даже командир роты его так называл периодически.

Один недостаток был у Димы – он почему-то решил, что обязательно должен выучиться играть на гитаре и петь. Пел он плохо, играл фальшиво, но тренировался без устали. Естественно же, на чём он тренировался? Ну, конечно же, на песнях «Сектора Газа». Днями и ночами он сидел на подоконнике в умывальниках и пел. Ну, это он так думал, что пел. Заходит ночью в роту командир, который стоит дежурным по факультету, а среди общей звенящей тишины из галлюна доносится бреньканье гитары и рысиный голосок.

– Чтобля? АПЯТЬ? – возмущается командир и идёт в умывальники.

– Дмитрий! – орёт он ещё в коридоре. – Что за вакханалия после отбоя?!

Дима выскакивает с выпученными глазами в центральный проход:

– Я какал, тащ командир! У меня что-то с желудком!

– А, так это ты срал! А я уж подумал, что поёшь опять! Ну-ка, марш в койку, Флуераш недоделанный!

И вот, значит, вызывает его к себе, не веря нашим честным, как озеро Байкал, глазам, командир и спрашивает: а знаешь ли ты, Одноухая Рысь, песни ВИА «Сектор Газа»? Естественно, Дима их знал. Мало того, он кроме них вообще ничего играть не умел, а тут ещё так обрадовался такому неожиданному феерическому своему успеху, что не обратил внимания, какие страшные глаза мы ему показываем... Командир просит его исполнить какую-нибудь композицию, например, про любовь. Дима же рад стараться, забабахивает ему песню «Носки». Ужасно, конечно, в исполнении Димы. Командир бороду почесал и говорит: ребята... идите-ка вы... со своим концертом...

Ну, мы же моряки, чё. Отсутствие официальной бумаги не помеха в достижении поставленной цели. Приехали к Славе домой переодеваться. Решили, вполне логично, что там на концерте будут же одни панки и в нашей обычной одежде идти туда можно, но вряд ли это будет полезно для нашего здоровья и красоты. Сахарным сиропом наставили себе ежей на головах, оделись в какую-то рвань, найденную во всех закутках, по соседям ещё прошлись, старую одежду спросили, цепочек на все места себе навесили, даже от унитаза

цепь мне на джинсы его старшего брата пошла. Оценили себя: не, ну как на картинке красавчики, на!

По дороге купили бутылку пива и прополоскали ей обильно зубы, чтоб, значит, и пахнуть, как панки. На одежду пивом побрызгали для аутентичности аутфита.

Подходим к Дому культуры рыбаков, руки в карманах, в зубах беломорины фабрики имени Урицкого, матюгаемся, плюёмся, как верблюды, – в общем, всё по системе Станиславского.

И замечаем неожиданно, что вокруг нас абсолютно нормальные люди: в костюмах, платьях, на крайний случай в свитерах, и все шепчутся и на нас культурно так пальцами показывают – смотрите, панки пришли. Я ещё никогда в жизни так сильно себя дураком не чувствовал, – и девчонки вон красивые стоят, а мы – как два упыря из канализации. Пока свет не выключили, не очень уютно было – из образа уже не выйдешь, будь он неладен, этот Станиславский! А потом нормально – у нас даже пара дам автографы взять пытались, так мы похожи на панков или там рок-звёзд были.

Так что хочу сказать, не сомневайтесь – нормально мы там высшие образования свои получали, как положено студентам: с пьянками, вакханалиями и прочими приятными моментами бурной юности. Только в отличие от студентов мы ещё параллельно вырабатывали и ту штуку, которую все называют «флотской смекалкой» и не совсем понимают, откуда она берётся вдруг у бывших школьников.

Медленный газ

Встречаете же вы в жизни таких людей, которых в простонародье называют «тормозами»? Вот не то, что подвис человек на секунду-другую, как бывает, я думаю, со всеми. Типа: «Ну я знаю, что дважды два – четыре, а вдруг пять или восемь, например?...» А потом отвис такой: «Тьфу ты, ну конечно же, четыре!» А таких, настоящих, что тормозят постоянно или, как ещё говорят, «находятся на втором канале»?

Я когда увидел Пашу в первый раз, подумал, что просто он такой позитивный человек: маленький, квадратненький, с торчащими розовыми ушами, толстыми короткими пальчиками, увенчанными круглыми ногтями, маленькими глазками, но позитивный. Ну а как ещё можно было представить, если в момент всеобщего угрюмства ста человек один стоит и улыбается? Нас только зачислили в военное училище, заставили всех подстричься почти налысо, забрали нашу гражданскую одежду, выдали тельники, прогары, робу, пилотку, гюйс и выгнали на улицу на построение всей нашей новой ротой.

Момент этот, конечно, шокирующий. Все сразу потеряли признаки внешней идентификации: кто-то только что ходил в бананах и футболке с Цоем, кто-то в джинсах и красной рубашке, а кто-то и вовсе в брюках и чёрных туфлях с белыми носками; у всех разные причёски и взгляды разноцветных глаз, а тут раз – и все одинаковые! Нет, потом идентификационные признаки вернутся: кто-то храпит, кто-то чавкает, кто-то не выговаривает звук «л» (и так ржачно, когда они вдвоём начинают спорить, кто же из них не выговаривает больше: «Ну, скажи уиковые уапти» – «Ну, уиковые уапти, и что!» – «Да то, что ты, уошара, даже уиковые уапти сказать не можешь!»). А кто-то и вовсе жадный гондон, но это потом, а сейчас-то все как двое из ларца, одинаковы с лица, только не двое. И ещё новая военная форма – она ужасно воняет! Юфтью с прогаров, мануфактурной краской, хлопком и ещё хрен знает чем, но это хрен знает что крайне ядовитое и резкое, даже вороны на ветках тополей отсели от нас подальше, чтоб у них головы не кружились. Ну, вот кто в такой момент будет улыбаться, когда впору зареветь? А Паша – улыбался. Вот, думаю, как сильно, наверное, человек мечтал об этом дне, что даже весь этот метафизический акт перерождения из человека в личинку военного моряка не выбил его из колеи!

Это уже позже стало понятно, что Паша улыбается почти всегда, потому что он просто тормоз. Историй про него масса, но все же не расскажешь, поэтому расскажу самые характерные, чтоб вы понимали всю, так сказать, глубину.

Стою это я, значит, как-то дневальным по роте. На втором курсе дело было, ближе к концу. Время послеобеденное, и поэтому в общежитии нашем на четвёртом этаже – никого. Все же на самоподготовке должны до ужина сидеть в учебном корпусе в своих классах и самоподготавливаться. А при этом их ещё периодически проверяют командиры взводов, старшины рот, командиры рот, дежурный по факультету, дежурный по училищу и представители строевой части на предмет того, как они там самоподготавливаются: с должным ли старанием и в тетрадках, или опять самолётики бумажные, бляди такие, в окно пуляют и смесь для детского питания «Малыш» через бумажные трубочки сосут? Стою, руки в карманах (готовлюсь же уже начинать борзеть на третьем курсе), чешу... э... штык-нож на поясе, как в роту заходит Пашечка с книжечкой и тетрадкой в руке.

– Есть кто? – улыбается мне Паша, имея в виду, есть ли кто из начальства.

– Я есть, – говорю.

– Не, тебя-то я вижу, а из начальства-то есть кто?

– Паша, да я понял, что ты хочешь у меня спросить, ещё до того, как ты рот открыл.

Вот я тебе и отвечаю: какого ты в роту-то припёрся? Я ж не должен тебя пускать.

– Эдик, да я на пару минут буквально, надо ручку взять!

Ну вот как можно так бездарно врать, скажите на милость? Но дело уже к смене с вахты, махнул я на него рукой, иди мол, друг мой ситный. И Паша юрк к себе в каюту и дверь, слышу, сука, на замок закрыл. И аккуратно, как только замок щёлкнул, в роту заходит наш командир.

– Так! – поднимает руку командир. – Я шёл за ним от самого учебного корпуса, поэтому даже не начинай мне пиздеть, что его тут нет! Я специально стоял на два пролёта ниже и ждал, пока он зайдёт! Где он?

А общежитие наше представляло из себя длинный и абсолютно ровный коридор с каютами по обе его стороны, то есть как бы не увидеть куда пошёл Паша, было даже в теории невозможно. Но я всё-таки попытался.

– Туда куда-то пошёл! – бодро доложил я и мотнул головой вправо.

– В нору в свою, значит, уполз... Понятно!

И командир решительным шагом марширует к Пашиной каюте, радостно напевая: «Молодцов, Молодцов, насыю тебе я в жопу огурцов!»

Толкает дверь его каюты и удивлённо смотрит на меня, типа «он что, вообще охуел, ещё и дверь закрыл, несмотря на строгий запрет?». Я в удивлении развожу руками во все стороны и старательно делаю вид, что не понимаю, как можно быть таким нахалом.

– Молодцов! – орёт командир с заметно ухудшившимся настроением. – Ну-ка, открой дверь!

Тишина.

– МАЛАДЦОВ! – тарабанит командир в дверь каюты кулаком. – Открывай! Блядь! Двери!

Тишина.

Командир смотрит на меня ненавидящим взглядом. Я киваю головой, что он там, ну а куда ему деться с четвёртого этажа пятиэтажного здания?

– Молодцов! – командир стучит в дверь ногами. – Открывай по-хорошему! Последний шанс тебе даю остаться в живых!!!

Тишина.

Командир подходит ко мне, снимает фуражку, аккуратно ставит её на тумбочку, смотрит на меня снизу вверх (а он у нас м-а-аленький был с большо-о-о-ой бородой):

– Снимай, – говорит, – бескозырку.

Чо, думаю, бить, что ли, будет? Ну, снимаю, кладу рядом с его фуражкой на тумбочку.

– Топор есть? – спрашивает командир.

– Никак нет!

– Ну, пошли тогда так двери вышибать, раз нет.

Дверь попалась крепкая. Уж как мы только её не били. И каблуками под замок (как в кино), и плечами, и вместе ногами – грохот стоял, мама дорогая! С первого этажа прибежал дежурный спросить, всё ли у нас в порядке и не надо ли вызвать пожарный расчёт или санитаров. Потом вышибали дверь втроём, уже с ним. Орали, конечно, перманентно слова «Паша», «сука» и «открой». Ну, вышибли, само собой, в итоге эту дверь.

Когда пыль от штукатурки немного улеглась, то мы наблюдали такую картину: каюта три на три метра, пять аккуратно заправленных кроватей, перед окном стоит стол, за столом сидит Паша и что-то пишет в тетрадку.

Командир покашлял – ноль реакции. Дежурный по факультету покашлял – ноль реакции. Я покашлял уже так, на всякий случай.

Командир сходил, надел фуражку, вернулся и, подойдя к Паше, рывкнул:

– Курсант Молодцов!

– Ой, – медленно повернул на командира свои голубые глазки Паша, – тащ командир! А я и не заметил, как вы вошли, так заучился!

Дежурный по факультету заржал и ушёл. Я очень старался не заржать. Командиру было не смешно:

– Молодцов. Ты когда в увольнении был последний раз?

– Недели две назад.

– Хорошо сходил?

– Нормально.

– Так вот, Паша, хорошенько воскреси в памяти все детали этого последнего твоего увольнения в этом учебном году!

– Ну... я, это, пошёл сначала...

– Не надо, Молодцов! Это было фигуральное выражение, которое должно было тебе намекнуть, что ты лишён всех увольнений до самого летнего отпуска!

– А я думал, вам интересно.

– Ну... блядь.

Командир закатил глаза под козырёк фуражки, развернулся кругом на каблуках и выскочил из каюты, по дороге успев наградить меня нарядом вне очереди.

Это не самый яркий случай, но очень показательный для того, чтобы вы понимали всю глубину и длину волн Пашиного Космоса.

Морковь

Вы же помните, те из вас, кто достаточно взрослый, чтобы это помнить, засилье всяких сект, групп и кружков по саморазвитию никчемной личности человека в середине девяностых? Чумак с Кашпировским – это была только вершина айсберга, а основная масса его скрывалась от глаз в подворотнях, тёмных аллеях и скверах, жутко подсвеченных жёлтыми пятнами фонарей. Только, бывало, заманишь туда принцессу хитростью и витиеватыми речами в надежде посадить её на коленки и погладить спину, как обязательно к тебе подшмыгнёт какая-то тёмная личность, укутанная в плащ и запах нечищенных зубов, и прошепчет:

– Пссс. Парень! Связь с космосом можем научить устанавливать тебя за недорого! Святой Отец и Всевышний Жрец Космоса Василий Задунайско-Таврический как раз проездом в нашей юдоли печали и серости!

Конечно, ты не хочешь! Ты хочешь целоваться, а не связываться с космосом! Но это ты, а ведь некоторые люди как раз желают связаться. Таким, например, был и Паша из прошлого рассказа. Он очень тяжело учился, часто стоял в нарядах и поэтому редко бывал в увольнениях, но зато практически после каждого притаскивал в роту какую-нибудь заразу. Причём зараза эта поглощала его мозг полностью, как девятый вал – плохо подготовленных моряков. Мой мозг к тому времени был уже изрядно занят многими философскими и мировоззренческими проблемами, которые с большей или меньшей степенью, но охотно занимали его в периоды некоторого бездействия. В ту пору там уже жили Айвенго и капитан Блад, Ильф с Петровым, Зоценко, Чехов и Стивен Кинг. Да что там, даже У.С. Моэм уже совершал робкие попытки там поселиться.

А Паша художественную литературу не уважал абсолютно, даже на разрыв читаемые всеми «Черви» на первом курсе военного училища проглотили Пашу буквально на три-четыре минуты. Думаю, мозг его жаждал каких-то знаний кроме технических, и внешний мир подкидывал их ему со свойственной изощрённостью и коварством внешнего мира по отношению к девственному разуму. Сначала это была морковь.

– Эх, ребята! – радостно улыбнулся Паша на завтраке, вернувшись из очередного увольнения. – Неправильно вы питаетесь!

– Конечно, – подтвердил Вася, намазывая тонкий прямоугольник белёсого масла на кусок ноздреватого сухого хлеба. – Хочется-то мяса, а едим какие-то противные душе комбижиры.

– Не в этом дело, – встрепнулся Паша, как будто Вася попросил его подробнее рассказать доктрину правильного питания. – Нужно есть витамины из земли! В них вся сила! Морковь! Нужно есть морковь!

– Ага, – согласился Вася, – я тогда масло своё доем, оно же точно не из моркови.

– Конечно! Я вчера на занятии был в группе по правильному питанию. Там доктор наук один выступал. Он рассказал теорию, что вообще питаться можно одной морковью, и тогда сил будет в сто раз больше, чем если мясо есть и масло! Морковь же – она в земле растёт!

– Картошка тоже. И лук.

– Ну не-е-е, в картошке один крахмал, а в луке вообще ничего нет! Только морковь!

– Почему?

Паша задумался. Видимо, буфер его был переполнен идеей с морковью, и обоснований он точно уже не помнил.

– Я не помню! – честно сказал Паша. – Но я купил у профессора книгу и сейчас начну её изучать! Вот посмотрите!

Паша гордо показал нам сшитый свиток из серых листов.

И мы посмотрели, конечно. Паша забросил учёбу и засел за изучение научных трудов по моркови какого-то наверняка широко известного профессора. А ещё он перестал есть и пить что-нибудь, кроме моркови. Он ел морковь, пил морковь, разговаривал о моркови и носил её с собой везде.

– А ты чего тут стоишь? – подозрительно спросил у него командир примерно через недельку после начала этой морковной вакханалии. – Почему на камбуз не заходишь?

А Паша же не ел ничего, поэтому по команде «Справа по одному – шагом марш!» резонно решил, что ему лучше постоять на крылечке и похрустеть морковкой на свежем воздухе, чем вдыхать в себя пары животных белков, отравляя тем самым свой нежный организм.

– А я на диете, тащ командир!

– Что? Молодцов, отказ от пищи есть акт воинского преступления! Ты попутал, что ли? На какой диете? Шагом марш за стол!

С тех пор Паша ходил на все приёмы пищи и радостно хрустел морковкой, пока все ели макароны по-флотски и обсасывали кости из супа. Не, мы пытались с ним поговорить, конечно, и объяснить, что он долбоёб. Но если вы не подозрительный профессор из подвотроти в Инкермане, то у вас не было шансов убедить Пашу хоть в чём-то. Даже преподавателям высшей математики это удавалось не с первого раза, не то что презренным поглотителям пищи!

А потом Паша начал менять цвет.

Если бы я не видел этого сам, то вряд ли поверил бы, но было именно так – Паша становился морковным. Его кожа стала оранжевого оттенка, белки глаз и даже ногти постепенно приобрели лёгкий морковный оттенок. Если бы его короткий, светлый ёжик волос на голове кто-то покрасил в зелёный цвет, то люди на улице начали разбегаться бы в ужасе при виде ходячей моркови, в которую Паша и превращался.

– Не понял, – удивился командир, вернувшись из отпуска и проводя очередной строевой смотр, – а это что за хуйня?

И все – командир отделения, заместитель командира взвода, командир взвода и старшина роты – начали дружно смотреть в ту сторону, в которую указывал командирский палец. В той стороне стоял Паша и радостно улыбался белыми зубами в пожелтевших дёснах.

– В смысле? – не выдержал первым старшина роты. – Это Паша Молодцов, и у него всё в порядке с формой одежды.

– Почему он такого цвета? – уточнил командир смысл фразы «Что за хуйня?».

– Так он же одну морковку жрёт! Мы уже и привыкли!

– Так. Слушать сюда. Мне это не нравится! Я не буду приводить аргументы и обосновывать своё мнение, а перейду сразу к выводу, чтоб сэкономить наше время. Молодцов!

– Йа!

– Головка торпедная! Если ты немедленно не прекратишь страдать хуйнёй и не начнёшь употреблять пищу, то я отчислю тебя из училища к херам собачьим ещё до конца этого семестра, в чём даю тебе моё твёрдое командирское слово! Веришь мне?

– Так точно!

– Хрусти морковью сочно! – тут же скаламбурил старшина роты.

– Товарищ мичман! – строго посмотрел на него командир. – Я не вижу поводов для шуток в том месте, когда молодой долбоёб губит своё здоровье!

– Виноват, тащ командир! – абсолютно без виноватых интонаций в голосе отрапортовал старшина.

Паша пару дней помучился, выбирая между морковью и высшим образованием, и сделал выбор в пользу второго. К нему довольно быстро вернулся прежний цвет кожи, но тяга к новому и неизведанному его не оставила, и в следующем увольнении на пристани в Голландии его поджидал Космос.

Поэтому помните – морковь опасна! Впрочем, намного опаснее полупустой мозг, который найдёт чем себя заполнить, если вы не будете заполнять его нужными и полезными знаниями. А если вам не повезёт так, как повезло Паше с грубоватым, но справедливым и заботливым непререкаемым авторитетом в лице командира, то совсем и не такой весёлой может оказаться ваша история.

Тополя

Мне очень не повезло со словом «космос». Вот вы что представляете, когда слышите это слово? Ну, что-то же серьёзное наверняка, например бездонные пространства, полные мерцающих звёзд, кинотеатры, музыку или Юрия Гагарина. А я сейчас опишу картину, которая сама по себе всплывает в моём мозгу при слове «космос». Конечно, я её тут же прогоняю и немедленно заменяю чем-то торжественным и непостижимым, но тем не менее первое впечатление у меня прочно занято Пашей и тополями.

Паша после случая с морковкой не успокоился, конечно, и не начал активных поисков того предмета, который мог бы заполнить его мозг. Паша по-прежнему оставался девственно чист в духовном плане и абсолютно открыт для любых новых идей. Но, сами понимаете, путные идеи на дороге не валяются, поиски их могут занимать долгие месяцы и годы. А идеи пустые, но звучные своей привлекательностью, – только свистни (ну или, например, выйди на пирс, чтоб поехать на катере в увольнение). Паша не был дураком в широком понимании этого слова, но был классическим «тормозом». К этому быстро привыкли и даже перестали над ним потешаться, потому что удовольствия это не приносило, а в итоге становилось даже как-то неудобно смеяться над ним. Вот у каждого же человека есть определённое чувство юмора, но оно тоже развивается с годами, то есть сейчас вы вряд ли будете смеяться над теми же шутками и шутить так же, как делали это в двенадцать лет. Я на это надеюсь, во всяком случае. И все из вас, особенно те, которые находились в сугубо мужских коллективах, проходили этапы грубых одноклеточных шуток, которые вроде как и не смешны, но все смеются, потому что смеяться же хочется. Это из разряда, например: «молчишь – в жопе торчишь; отозвался – в жопе остался» – ну что смешного? Вроде как ничего, а при должной подаче все смеются. Или вот сидите вы, едите, мимо вас проходит ваш боевой товарищ и говорит «приятного» и как бы делает паузу, вы, конечно, на автомате отвечаете «спасибо», а он как бы продолжает свою фразу «...хуя в жопе». Вот сколько раз можно попасться на такую шутку? Ну, два максимум – один раз по незнанию и второй по невнимательности. А вот Пашу на эту шутку можно было ловить хоть каждый день. И это очень быстро надоедало, но не потому, что Паша обижался или ещё чего, а просто потому что каждый раз Паша начинал объяснять, что это не считается, потому что он ответил «спасибо», думая, что ему желают приятного аппетита. Как будто никто этого не знал и не строил шутку именно на ожидании такой вот реакции. Причём вот подходит он к тебе:

– Слушай, Эдик! Так это же не считается, что меня подьебнули!

«Блядь, – думаешь ты, – о чём он вообще говорит?»

– Я же думал, что мне Дима приятного аппетита желает, и поэтому так ответил!

Так часа два же уже прошло! Даже Дима уже забыл, что он так шутил над Пашей!

– Понимаешь, Паша, так шутка на том и основана, что ты именно так и подумаешь, а человек вроде как совсем и не это хотел сказать, но просто ты его не дослушал, а перебил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.